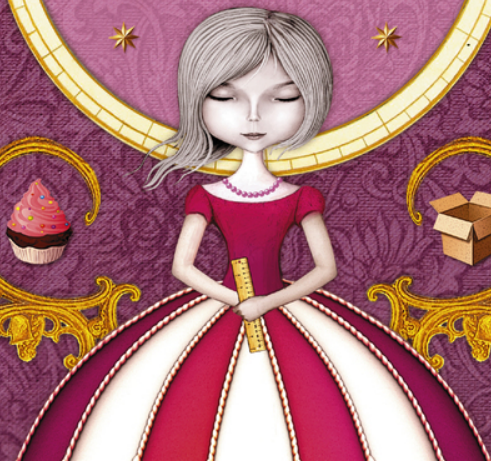

От автора серии «Разрушь меня»

ТАХИРА МАФИ

АЛИСА
В ИТАКДАЛИИ

Тахира Мафи

Алиса в Итакдалии

Серия «Изумрудный атлас»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9360211

Алиса в Итакдалии : роман / Тахира Мафи ; [пер. с англ. Е. Фельдман].:

АСТ; Москва; 2017

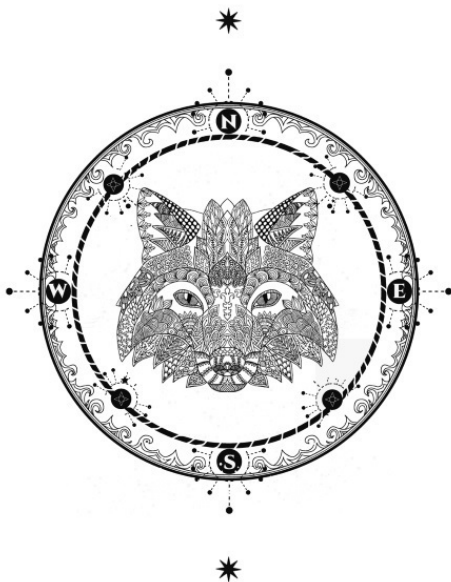
ISBN 978-5-17-099676-6

Аннотация

Алиса – необычная девочка, которая живет в городке Ференвуд, полном красок и магии, только сама она... бесцветная, тусклая. Алиса носит яркие юбки и огромные браслеты, обожает живые цветы и захватывающие приключения. Больше всего на свете она любит свою семью: маму, братьев и отца... который пропал без вести три года назад. И любовь Алисы к отцу так сильна, что она вместе с другом Оливером отправляется в незнакомую, опасную страну Итакдалию (где в последний раз видели ее отца). А там! Все вверх дном, и живые бумажные лисы, и правое – на самом деле левое... Именно в этом чарующем месте Алиса узнает, что такое магия приключений и дружбы.

Содержание

Так начинается эта история	9
За этой страницей скрывается еще одна глава	21
Глава следующая	47
Я и не думала, что в этой книге столько глав!	74
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Тахира Мафи

Алиса в Итакдалии

Tahereh Mafi
FURTHERMORE

This edition is published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Елены Фельдман*

Серийное оформление и дизайн обложки *Василия Половцева*

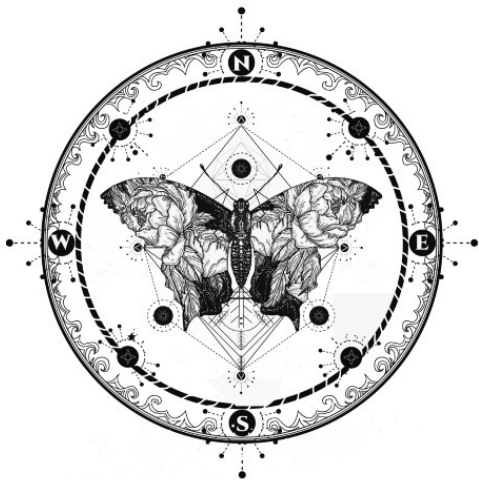
Иллюстрация на контртитule *Екатерины Чинаски*

© Tahereh Haddadi, 2016 © Е. Фельдман, перевод на русский язык, 2016

© Е. Чинаски, иллюстрация, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Однажды в городе Ференвуде родилась девочка.

Само по себе это событие было ничуть не примечательным.

Ее родителей переполняло счастье – как и полагается в таких случаях. Мать была рада разрешиться от бремени, а отец испытывал облегчение, что с таинством рождения жизни покончено. Однако вскоре они заметили, что их дочь, названная Алисой, совершенно лишена красок. Ее кожа и волосы были белыми, как молоко, а душа и сердце – мягкими, как шелк. Лишь глазам ее досталось по капельке цвета: радужной они походили на светлый мед.

Что и говорить, Ференвуд не принял бы такого ребенка.

Его основу составляли краски: их вспъшки, переливы, мазки и радужные подтеки. Во всем мире не нашлось бы людей более ярких, чем жители этого города; сами они говорили, что созданы по подобию небесных светил. На их фоне маленькая Алиса казалась слишком тусклой – хоть она и знала, что это не так.

Однажды про девочку забыли.

Так начинается эта история

Солнце лило как из ведра.

С неба падали мягкие теплые капли светливня, и каждая прожигала маленькую аккуратную дырочку в ледяном доспехе зимы. Конечно, та сопротивлялась до последнего – но к нынешнему моменту была уже порядочно изрешечена солнечным дождем, так что из-под нее проглядывала бархатистая подкладка весны. Мир готовился в очередной раз преобразиться. Жители Ференвуда обожали весну – как и следовало ожидать. Они вообще находили удовольствие в пред-

сказуемых, закономерных переменах: таких, как превращение ночи в день или снега в дождь. Чего бы они не оценили, так это превращения ночи в кекс или дождя в шлепанцы. В таких переменах, сами понимаете, никакого смысла – а именно смысл был чертовски важен для этих серьезных людей, чья жизнь вращалась вокруг магии. Точно так же им было трудно увидеть смысл в Алисе.

Алиса была девочкой-подростком – сообразительной, подвижной и начиненной тысячей животрепещущих вопросов, как и подобает всякой девочке-подростку. Однако у Алисы не было кое-чего очень важного, о чем мы скажем позже, и именно этот недостаток делал ее такой необычной и интересной.

В день, когда началась эта история, обычно бесшумные шестеренки бытия издавали неприлично много шума: ветер хлопал ставнями, потоки светливня колыхали занавески на окнах, свежеподстриженная трава щекотала босые ноги. В подобные дни Алисе отчаянно хотелось ввязаться в какое-нибудь приключение, но к почти двенадцати годам – а именно столько было нашей героине – она все еще не выяснила, как это сделать. До ежегодной церемонии Сдачи оставалась лишь пара дней, и Алиса, которая была твердо намерена победить, знала, что это ее единственный шанс отправиться навстречу чему-то новому.

Теперь она шагала домой, то и дело оглядываясь на свер-

кающий в отдалении городок. В честь грядущих празднеств главную площадь перевернули вверх дном, и теперь по холмам разносился грохот разнообразных инструкций и конструкций. Алиса прыгала по камням булыжной мостовой, подставляя лицо потокам светливня и пытаясь ухватить хоть щепотку его золота. Город был охвачен возбуждением; в воздухе висело предвкушение такое густое, что в него можно было вонзить зубы. Алиса улыбнулась, отчего ее щеки тут же заяблонились, и взглянула на небо. Свет замерцал и начал блекнуть. Тучи снова норовили сомкнуть над Ференвудом свои тяжелые тела. Ничего, подумала Алиса. Еще один день, и все переменится.

Она не могла дождаться.

Мостовая перешла в грязноватую главную дорогу, по обе стороны которой клубилась зелень. Встречаясь с соседями, Алиса теснее прижимала к себе корзину, кивала в знак приветствия, махала в знак прощания и молча радовалась, что не забыла сегодня ни одну из своих юбок. Мама очень о них беспокоилась.

Когда дорога опустела, Алиса вытащила из кармана тюльпан и торопливо откусила верхушку. Лепестки защекотали рот, а по языку заструился густой пурпурный цвет. Алиса закрыла глаза и облизнула губы, прежде чем вгрызться в стебель. О нет, не просто зеленый! Зеленейший – полный сока и самой атласной зелени. Этот цвет обладал собственной песней, и теперь она звучала внутри Алисы. Девочка нагну-

лась к обочине, чтобы погладить лохматую макушку травы, и прошептала: «Привет-привет! Вот мы и перезимовали».

Алиса была странной – даже для Ференвуда, где с небес временами лило солнце, все цвета сияли ярче обычного, а магия встречалась так же часто, как ворчливые родители. Странность Алисы проявлялась даже в мелочах – например, в том, как она возвращалась домой. Девочка просто не могла пройти по прямой линии из точки А в точку Б. Она то и дело останавливалась, сходила с дороги, набирала полную грудь воздуха и целую минуту не выпускала его обратно, жалея расставаться с таким сокровищем. Иногда она принималась кружиться в такт неслышимой мелодии, пока юбки не вставали колоколом, а улыбка становилась такой широкой, что немножко сползала с лица. Порой же она замирала на цыпочках – прямая и напряженная, как струна, – и лишь когда становилось совсем невмоготу, наконец выдыхала то, что ей не принадлежало.

«Алиса у нас полевой цветок», – сказал однажды отец. Цветок в цветастых юбках, с косой-колосом до колен. Алиса надеялась, что он прав. Может, мама ошиблась, и на самом деле Алисе не нужно быть таким сложным существом с целыми четырьмя конечностями? Порой она думала, как хорошо было бы укорениться в земле и на этот раз вырасти чем-нибудь получше – скажем, одуванчиком, дубом или грецким орехом, который никому не удастся расколоть. Но мама строго сказала (она часто говорила строго), что Алиса

должна быть девочкой, поэтому одуванчика из нее не вышло.

Мама Алисе не очень нравилась. На взгляд девочки, она была чересчур старой и странной. Еще Алисе не нравилось, как мама переживает из-за стен и дверей – и денег, которые ее там удерживают. Но Алиса любила маму, насколько способны любить дети. Мама была теплой и мягкой и часто улыбалась, глядя на нее. Злилась и плакала – тоже, но это Алису не волновало.

Девочка крепче перехватила корзину и пустилась в пляс под слышную ей одной мелодию. Пальцы ног взбивали придорожную пыль, и на земле Алису удерживала только коса, слишком тяжелая для ее головы. Звонкие браслеты так и гуляли от локтей до запястий, выводя собственную нехитрую песенку. Алиса закрыла глаза. Она знала этот танец наизусть; его движения жили у нее в костях, подталкивали изнутри руки и ноги и заставляли бедра вращаться с чувственностью, которой не смог бы научить и самый лучший учитель.

Это был ее главный талант, дар – и подарок Ференвуду. Ее шанс на великое будущее. Она оттачивала этот танец годами и знала, что ее усилия не пропадут впустую.

Знала, что...

– Эй, ты! Что ты делаешь?

Алиса вздрогнула. Кто-то запнулся и упал – но девочка не сразу сообразила, что это она сама. Юбки сбились в ком, браслеты испуганно примолкли, из воздуха испарилась последняя капля светливня. Алиса ужасно, кошмарно опазды-

вала. Мама будет вне себя.

– Эй! – позвал тот же голос. – Что ты...

Алиса подобрала юбки и принялась шарить в темноте в поисках корзины. Внутри глухо ворочалась паника. «Никогда не разговаривай с незнакомцами, – множество раз твердила ей мать. – Особенно с мужчинами. Если тебе страшно, не время думать о приличиях. Если тебе страшно, ты не обязана быть вежливой. Поняла?»

Алиса кивала.

Но сейчас мамы тут не было – и Алиса не знала, почему ей так отчаянно страшно. Зато точно знала, что не обязана быть вежливой.

Незнакомец подошел ближе. Теперь Алиса видела, что это не мужчина – скорее уж мальчик. Алисе очень хотелось рывкнуть, чтобы он проваливал, но благоразумный голосок у нее в голове нашептывал, что лучше молчать. Если тебя не слышно, то, может быть, и не видно. А вот если она закричит, то наверняка выдаст себя.

В итоге желание Алисы остаться незамеченной сбылось – но не совсем так, как она рассчитывала.

Солнце уже зашло, а луна все не торопилась прийти ему на смену. Вокруг густилась непроглядная тьма. Алисе никак не удавалось разглядеть или нащупать корзину.

Она волновалась все сильнее.

В одну секунду она поняла все о тревогах – и пообещала себе больше никогда не злиться на маму, которая не трево-

жилась, кажется, только во сне. Страх оказался очень неприятной штукой – а еще он будто засасывал в себя минуты. Теперь стало ясно, почему у мамы вечно не находится времени помыть посуду.

– Это случаем не твое?

Алиса резко выпрямилась – и почти уткнулась носом в чью-то грудь. В этой груди билось сердце. Алиса слышала шепот и стрекот крови, ее жаркое журчание и мелодичные переливы. «Не отвлекайся, – приказала она себе. – Мама разозлится».

Но...

Что это было за сердце!

Какая симфония звучала внутри этого мальчика!

Алиса судорожно вздохнула.

А затем он коснулся ее руки – и у нее не осталось другого выхода, кроме как его стукнуть. Браслеты воинственно зазвенели. Незнакомец отшатнулся от удара, Алиса закричала, вырвала у него корзину и опрометью кинулась домой – задыхаясь, почти не разбирая дороги и лишь в глубине души радуясь, что луна наконец-то решила осветить ее путь.

* * *

Разумеется, мама и слушать не стала ее оправданий. Честно говоря, она так разозлилась, что почти ударила дочь по руке. Она не дала Алисе ни малейшей возможности объяс-

нить, почему ее юбки в грязи, корзина сломана (на самом деле совсем чуть-чуть), а в волосах полно травы. Вместо этого она сделала страшное лицо, указала дочери на ее место за столом и заявила, что, если Алиса еще хоть раз опоздает, она сошьет ей пальцы вместе.

Ну конечно.

Мама вечно чем-то угрожала дочери. От этого у нее улучшалось настроение, а вот Алиса начинала скучать. Обычно она пропускала все угрозы мимо ушей («Если ты немедленно не доешь свой завтрак, я превращу тебя в слона!» – пообещала ей мама однажды, и девочка даже воодушевилась), но как-то раз мама пригрозила превратить ее в *мальчика*. Алиса так перепугалась, что целую неделю нигде не пачкалась и вообще вела себя до неприличия прилично. С тех пор она частенько раздумывала, были ее братья мальчиками с самого начала – или просто так разозлили маму, что их постигло это ужасное наказание.

Мама бережно распаковала принесенную Алисой корзину. Похоже, та волновала ее куда больше дочери и трех сыновей, которые молча ждали начала трапезы за стареньким столом. Алиса провела ладонями по гладким доскам. Годы усердной кухонной службы отполировали их почти до зеркального блеска. Стол этот сделал папа, и Алисе нравилось понарошку вспоминать, как он его мастерил. Конечно, на самом деле помнить она ничего не могла: стол был старше самой Алисы.

Девочка взглянула на папин стул – пустой, как и всегда, – и опустила голову на скрещенные руки. За эти годы печаль подточила ее кости, и от воспоминаний они принимались ныть, точно от сквозняка. Снова подняв глаза, Алиса увидела три маленькие фигурки, которые едва виднелись над столешницей. Братья смотрели на нее с таким предвкушением, будто она могла превратить их жилетки в конфетки, а рубашки – в промокашки. Пожалуй, в другой день Алиса действительно попробовала бы, но мама и без того на нее злилась, а девочке не хотелось снова ночевать со свиньями.

С возрастом Алиса начала понимать, что они с мамой не нравятся друг другу вполне взаимно. Маме не было дела до Алисиных странностей. Она вообще не относилась к тому типу родителей, которые проникаются любовью к потомству инстинктивно, от одного взгляда на пухлощекий кабачок в пеленках. Причуды детей не вызывали у нее умиления. В целом она считала Алису полезным, хотя местами и нелепым ребенком – но если бы вы подловили ее в Честное Воскресенье, она ответила бы, что ей нет ни малейшего дела до собственных детей, нет и не было, и как они у нее вообще получились, одному богу известно. (Конечно, приятных вещей об Алисе мама тоже могла бы сказать немало – только вот почему-то все время забывала их озвучивать.)

Алиса подцепила с тарелки цветок и отправила его в рот, позволяя яркому вкусу неспешно растечься по языку. Цветы ей нравились; один кус – и она снова чувствовала себя пол-

ной сил, готовой пуститься в пляс. Мама обычно обмакивала их в мед, но Алиса предпочитала чистый, ничем не приукрашенный вкус. Она вообще любила правду: на губах и во рту.

На кухне было тепло и уютно – хоть и вполсилы. В отсутствие отца Алиса с матерью старались, как могли, но в иные вечера на их тарелках пышно расцветала скорбь, и они зачерпывали ее ложками вместе с сиропом, не проронив об этом ни слова. Сегодня было еще не так плохо. Печка вспыхнула лавандовым жаром, когда мама пошевелила поленья и бросила в горшок несколько принесенных Алисой ягод. Вскоре весь дом наполнился запахами инжира и перечной мяты. Они пропитывали воздух так густо, что Алиса могла бы слизнуть их языком.

Наконец мама успокоилась и заулыбалась. Ягоды ференики напоминали ей о прежних счастливых временах, когда они с мужем были вместе и всё было хорошо. Ференика считалась редким лакомством – разыскать ее было непросто, – но после исчезновения отца мама стала ею одержима. Проблема заключалась в том, что найти ягоды могла лишь Алиса (почему, я объясню позже), – и Алиса, конечно, исправно их приносила, потому что с ягодами в доме было гораздо лучше, чем без них. Да, она опаздывала, вечно где-то пачкалась, ленилась и препиралась по любому поводу – но никогда не возвращалась домой без добычи.

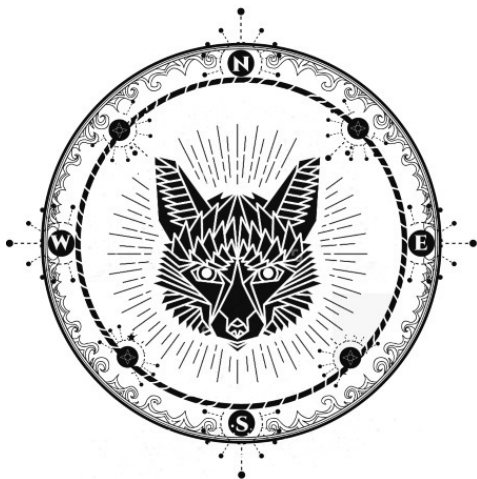
Почти никогда. Сегодняшний вечер едва не стал первым. Алиса всегда чувствовала, что мама ее использует: фе-

реника была единственным лекарством, ненадолго исцелявшим ее разбитое сердце. Она *нуждалась* в Алисе, хотя предпочитала не заострять на этом внимание. И Алисе, конечно, было жаль маму – но еще больше жаль себя и братьев. Иногда ей хотелось, чтобы мама выросла – а может быть, наоборот, уменьшилась – в ту маму, которой им так сильно не доставало. Увы, она не могла размолодиться, и Алисе оставалось любить (или не любить) ее такую, какая есть. Ничего, снова подумала девочка. Скоро, очень скоро она встретит свою судьбу. Прекрасную, великую судьбу! Зима в Ференвуде сменялась весной, весна сменялась летом, а Алиса ждала уже слишком долго.

Она непременно выиграет Сдачу и докажет матери, что ей больше не нужна опека и носки. Она станет первооткрывателем! Изобретателем! Нет, лучше – художником! Она охватит целый мир парой широких мазков! Рука Алисы, отвечая ее мыслям, чертила замысловатые узоры в наполненной медом тарелке. Движения девочки становились все размашистее и увереннее, пока вилка-кисточка триумфально не взмыла в воздух... Чтобы через мгновение приземлиться – впрочем, не без определенного изящества – в шевелюру одного из братьев.

Алиса пискнула и съежилась на стуле. Прекрасное будущее было позабыто; вместо него на девочку надвигалась мать с половником.

Похоже, сегодня ей все-таки придется ночевать со свинья-

**За этой страницей
скрывается еще одна глава**

Свиньи были не так уж плохи. Они подпирали Алису теп-

лыми боками, делились с ней соломой и участливо похрюкивали, выслушивая жалобы на жизнь. Девочка вытащила из кармана пару финков, подумала, один убрала обратно, а второй разломила пополам. Свиньи тут же учуяли запах свежих лимонов и стекляблок, и в хлеву воцарилось полное благоденствие. Ночь выдалась теплая и ароматная, над дырой в крыше важно дефилировали звезды. Их огоньки сверкали, как обычно, а вот планеты сегодня прямо-таки блистали, соперничая с самыми яркими звездами. Шестьсот тридцать две планеты последовательно вплыли в поле зрения Алисы, покачивая разноцветными кольцами – так же, как она при ходьбе покачивала браслетами.

Они покрывали руки девочки от запястий до локтей и пестрыми змеями обвивали лодыжки. Она приносила браслеты отовсюду – из каждого магазинчика по холмедству, куда заглядывала после исчезновения отца. Алиса упорно стучала в дверь за дверью и спрашивала у всех и каждого, куда он мог пропасть.

Все и каждый давали разные ответы.

Все знали, что отец Алисы ушел с одной чертежной линейкой, поэтому некоторые говорили, будто он решил измерить море. Другие – луну. Третьи – небо. А может, он научился летать, но забыл, как вернуться обратно. Алиса никогда не делилась с матерью своими догадками, но в глубине души считала, будто отец укоренился в земле, чтобы на этот раз вырасти повыше.

Девочка встряхнула браслетами – золотыми, серебряными, каменными. Мама каждый месяц давала ей три финка карманных денег, и один из них Алиса непременно тратила на браслет. Для всех остальных они не имели большой ценности, но именно это делало их такими дорогими для Алисы. Самый первый браслет ей подарил отец – как раз перед тем, как пропал, – и почти каждый месяц после его исчезновения Алиса прибавляла к своей коллекции еще один.

На этой неделе у нее должен был появиться тридцать восьмой.

Может быть, подумала она, сонно смыкая веки, эти браслеты помогут отцу отыскать дорогу обратно. Стоит ему прислушаться повнимательнее – и он обязательно различит, как она танцует, призывая его домой...

На этой мысли Алиса перевернулась на другой бок и задремала.

А пока она спит, давайте-ка я расскажу вам два важных факта.

Факт первый: для того, чтобы творить колдовство в Ференвуде, не нужны волшебные палочки, привычные нам зелья или заклинания. Природа вообще наделила эти земли немалыми богатствами, но среди них главнейшими считались два – цвет и магия. Это был очень маленький и очень старый городок в окрестностях Феннельскайна, но поскольку никто из жителей Ференвуда сроду не был в Феннельскайне (на самом деле, огромное упущение; что за славное ме-

стечко!), они продолжали жить замкнутой общиной, черпая цвет и магию прямо из воздуха и построив на их основе целую экономическую систему. Я бы еще многое могла рассказать об истории и географии Ференвуда, но не хочу испортить вам удовольствие от книжки, а посему смиренно умолкаю.

Факт второй: каждый житель Ференвуда рождался с каким-либо магическим талантом, маленьким кусочком собственного волшебства – но за все остальное нужно было платить, а у Алисиной семьи никогда не водилось лишних денег. В карманах Алисы никогда не бывало больше пары финков, и потому ей оставалось лишь жадно глазеть на других ребят, которые по-хозяйски выбирали лакомства на витрине или беспечно звенели пригоршнями стоппиков.

В ту ночь Алисе снился чуденец, который она купит на следующий день. (По правде говоря, Алиса еще не знает, что его купит, – но мы-то с вами по эту сторону переплета и можем немножко забежать вперед, верно?) Чуденцы – маленькие цветошарики травы, смешанной с медовыми сотами, – были любимым Алисиным лакомством, и на этот раз ее не остановило бы даже то обстоятельство, что на них пришлось бы потратить все остатки сбережений.

Вот так Алиса и спала – под теплым боком свиньи, с задранными до ушей юбками и сложенными на табуретку браслетами, – когда ее вдруг окликнул чей-то голос. Голос мальчика, в чьей груди билось необыкновенное сердце.

Кажется, он произнес «привет» или «эй, ты» (я не запомнила, потому что толком не расслышала, а Алиса не запомнила, потому что была слишком зла). Девочка медленно выдохнула, посмотрела на планеты, которые продолжали танцевать у нее над головой, и снова закрыла глаза.

– Мне очень лень вставать и тебя бить, – честно сказала она. – Поэтому ты сделаешь мне огромное одолжение, если уберешься.

– У тебя панталоны видно, – ответил мальчик.

Вот грубиян!

Алиса вскочила на ноги, красная как рак, и чуть не споткнулась о подвернувшегося под ноги поросенка. Девочка почти взяла себя в руки, когда врезалась в ведро с помоями и бесславно плюхнулась на спину у стены.

– Ты кто такой? – возмутилась она, судорожно пытаясь припомнить, куда положила лопату.

В следующую секунду Алиса услышала щелчок пальцев, и сарай затопил свет такой яркий, будто в окно залетела шаровая молния. Девочка немедленно заметила лопату и уже почти разработала план, как бы ее половчее схватить, но тут мальчик нагнулся и сам вручил ее Алисе.

Девочка молча взяла лопату.

Лицо мальчика казалось до странности знакомым. Алиса прищурилась, пытаясь понять, где его раньше видела, но лопату все-таки не опустила.

– Кто ты? – повторила она со злостью. – И где научился

делать такой крутой светреск? Я годами тренируюсь, но...

– Алиса, – прервал он ее со смешком, качая головой. – Это же я.

Девочка недоуменно моргнула – и вдруг вытаращила глаза.

– Папа?! – прошептала она.

Алиса быстро пробежалась по нему взглядом с головы до ног, при этом все ниже опуская лопату.

– Ох, папа, но ты так размолодился... Вряд ли мама обрадуется...

– Алиса! – почти-незнакомец снова покачал головой и схватил ее за руки, пригвоздив к полу смеющимся взглядом. У мальчика была кожа теплого шоколадного оттенка и тревожно-синие, почти фиолетовые глаза. Еще у него был очень прямой нос, очень приятный рот, очень милые брови, очень красивые скулы и волосы цвета серебристой сельди – другими словами, ничего общего с папой.

– Самозванец! – завопила Алиса, снова вскидывая лопату.

Девочка уже занесла ее над головой, готовясь проломить этому негодяю череп, когда он опять схватил ее за руки. Мальчик был немного (ну ладно, много) выше ее, так что ему не составило бы большого труда одолеть Алису, – но она тоже не собиралась сдаваться так просто.

Поэтому укусила его за руку.

И довольно чувствительно, надо сказать.

Мальчик вскрикнул и отшатнулся. Стоило ему поднять на

Алису взгляд, как она заехала ему лопатой по колену, и он рухнул в солому. Теперь девочка возвышалась над ним, за-неся оружие над головой.

– Алиса, ты что творишь?! – воскликнул мальчик, прикрывая голову руками в ожидании финального удара. – Это я, Оливер!

Алиса опустила лопату – но самую малость и по-прежнему не испытывая ни малейших угрызений совести за свое поведение.

– Кто?..

Мальчик осторожно поднял глаза.

– Оливер Ньюбэнкс. Ты меня не помнишь?

«Нет», – почти ответила Алиса, которая сгорала от желания наконец треснуть его по голове и с триумфом приволочь маме бесчувственное тело («Смотри, я поймала грабителя!»), – но мальчик выглядел таким испуганным, что ее возбуждение вскоре сменилось сочувствием. Поэтому Алиса опустила лопату и вгляделась в лицо Оливера Ньюбэнкса так, будто и в самом деле должна была его помнить.

– Мы учились вместе в среднеросте!

Алиса наклонилась поближе. Имя мальчика показалось ей знакомым – но она не была уверена в своей догадке, пока не заметила белесый шрам, пересекавший его левое ухо.

Девочка втянула воздух – на этот раз особенно громко.

Да, они определенно были знакомы.

Алиса поудобнее перехватила лопату и врезала ему по но-

гам с такой яростью, что светреск погас, и хлев погрузился во тьму. Свиньи завизжали, Оливер завизжал и бросился прочь, Алиса погналась за ним через весь двор, подробно рассказывая, как приготовит его братьям утром на завтрак, – но тут из дома вышла мама и заявила, что лучше приготовит на завтрак саму Алису, после чего девочка тоже завизжала и бросилась наутек, а когда мама наконец ее поймала, Оливера и след простыл.

После этого случая Алисе еще неделю было больно сидеть.

* * *

Из-за такой ночи и утро началось наперекосяк.

Алиса проснулась, вдыхая аромат свиного бока; в волосах безнадежно запуталась солома, она же колкими шпажками утыкала пальцы ног. Алиса села, злая на весь мир, но особенно – на маму, Оливера и поросенка, который вздумал вылизать ей лицо от лба до подбородка. Мда, сейчас ей не помешала бы хорошая ванна.

Алиса встала, по мере сил отряхнула юбки (дурацкие юбки!) и направилась к пруду. Голова ее была забита мыслями, которые забивают головы почти всех двенадцатилетних девочек, а потому даже прелестное, полное светливня утро несильно поправило дело.

Дурацкий Оливер Ньюбэнкс – она от души пнула холмик

грязи – осмелился показаться ей на глаза – она пнула другой холмик – после всего, что случилось! Алиса в ярости набрала пригоршню грязи и запустила ее в кусты, никуда особенно не целясь.

Алиса не видела Оливера Ньюбэнкса с того далекого дня, когда он заявил перед всем классом, что она – самая уродливая девочка в Ференвуде. Он все болтал и болтал, какой у нее огромный нос, крохотные глазки, губы с ниточку и волосы цвета прокисшего молока, – так что Алиса чуть не расплакалась. Полная чушь, ответила она. Носик у нее очень аккуратный, глаза большие, губы довольно пухлые, а волосы скорее напоминают цветы хлопка. Но Оливер, разумеется, и слушать не стал.

Никто не стал.

Как неудачно сложилось, что незадолго до того пропал отец, мама превратилась в бледную тень прежней себя, а от всех сбережений у них остались двадцать пять стоппиков и десять тинтонов. У Алисы выдался непростой год, и она не собиралась больше терпеть. Ребята чуть животы не надорвали от смеха, а она только топала ногой в браслетах, пылая от гнева и смаргивая горячие слезы. Тогда она решила, что произведет на Оливера большее впечатление, если потратит оставшиеся финки, откусив ему ухо и заставив съесть его перед всем классом. «Уж одним ухом он меня точно выслушает!» – подумала Алиса. Но вместо этого ее выгнали из школы, поскольку то, что она *сделала*, было хуже того, что

он *сказал*. Это выглядело особенно несправедливо, потому что на вкус его слова оказались куда противнее уха. В любом случае с тех пор мама учила ее на дому.

Алиса начинала понимать, почему мама ее не особенно любит.

Девочка вздохнула и, развязав ленты, позволила юбкам упасть в траву. Одежда ее сковывала. Панталоны Алиса ненавидела даже больше, чем юбки, но пока мама крутилась рядом, они оставались Алисиным проклятием. Ходить в одних трусах, сказала ей мама однажды, *неприлично*. С тех пор девочка мечтала о дне, когда отрастит пару крыльев и улетит прочь. Будь ее воля, она бы круглый год расхаживала голышом и босиком, в одних браслетах и плаще из распущенных волос цвета ванили.

Алиса стянула кофточку, бросила ее на траву к юбкам и, закрыв глаза, подняла голову к солнцу. Светливень пропитывал воздух, окружая все предметы неземным сиянием. Алиса высунула язык, надеясь слизнуть хоть одну золотую каплю, но солнечные потоки оставались неуловимыми. Они не касались людей, потому что предназначались только для земли. Именно светливень привносил магию в их мир; он наполнял воздух и орошал почву, заставлял расти цветы и деревья – и добавлял объем и звук вспышкам цвета, посреди которых протекала жизнь горожан. Красный пульсировал жарким рубином, зеленый истекал сочным лаймом, а желтый почти обжигал глаза. Цвет был самой жизнью. Цвет был

всем.

Видите ли, цвет был универсальным признаком магии.

Жители Ференвуда рождались с маленькой искрой собственного волшебства, а возвращенная светливнями пища помогала раздуть эту искру в мягкое устойчивое пламя. Каждый горожанин был наделен одним даром. Одним прекрасным магическим талантом. Достигнув двенадцати лет, они демонстрировали этот талант на церемонии Сдачи, а взамен получали решающее задание. Такова была традиция.

Алиса открыла глаза. Облака сегодня плыли по небу одно за другим, будто их выдыхал какой-то невидимый великан. Скоро пойдет дождь, и старая жизнь Алисы закончится, чтобы под триумфальные раскаты грома дать родиться чему-то новому.

Цели.

Ей исполнится двенадцать лет. В этом году она наконец примет участие в Сдаче.

Завтра, подумала Алиса. Ее звездный час наступит завтра.

Алиса глубоко выдохнула, выбрасывая из головы Оливера Ньюбэнкса, всю боль, которую причинила ей мама, и всю боль, которую отец причинил маме и ей. Вместе с ними она выбросила из головы и трех бесполезных братьев, которые были слишком малы, чтобы от них была какая-то помощь –

а именно в помощи их семья нуждалась больше всего. Да, Алиса была не такой яркой, как другие жители Ференвуда, – и что с того? Магии в ней было не меньше, и завтра ей наконец выпадет возможность это доказать.

Алиса подобрала гибкую веточку и, закинув ее за шею, принялась мурлыкать под нос знакомую мелодию. Глаза ее оставались закрыты, а ноги сами вели девочку к пруду. Сейчас она была воплощенной музыкой, а ее тело – наилучшим инструментом из всех, которыми она когда-либо владела.

Может, жизнь и была одинокой штукой, но Алиса, по крайней мере, знала, как ее скоротать.

Теплый пруд напоминал по цвету зеленый аметист. Он пах сладким нектаром, хотя на вкус не имел с ним ничего общего. Алиса бросила в траву трусы и панталоны, секунду помедлила, распуская косу, и прыгнула в воду.

Девочка сразу нырнула на самое дно и задержалась там, позволяя рукам и ногам избавиться от привычного напряжения. Вскоре она почувствовала знакомую щекотку рыбок-поцелуйщиков и приоткрыла глаза – ровно настолько, чтобы заметить, как они пощипывают ее кожу. Алиса улыбнулась и поплыла к поверхности; рыбки следовали за ней, не отставая ни на сантиметр. Они увивались вокруг, толкая носами ее локти и колени в попытке подобраться поближе.

Алиса плавала до тех пор, пока почти не засияла – а потом теплый воздух высушил ее кожу и волосы с такой стреми-

тельностью, что у нее даже еще осталось время до ежедневного похода за ференикой.

Алиса изо всех сил старалась влипнуть в какое-нибудь приключение, пока ее ровесники протирали штаны на школьной скамье. Предполагалось, что мама будет учить ее на дому, но на самом деле она занималась этим очень редко. Два года назад, когда мама все еще злилась на Алису из-за школы и Оливера Ньюбэнкса, она плюхнула на кухонный стол стопку книг и велела Алисе их выучить, пригрозив, что в противном случае она вырастет не только самой уродливой, но и самой глупой девочкой в Ференвуде.

Порой Алисе хотелось наговорить маме не очень приятных слов.

И все же она ее любила. В самом деле любила. Алиса давным-давно научилась ладить с родителями. Однако здесь нужно внести одно уточнение: из старшего поколения Алиса всегда предпочитала отца – и не считала нужным это скрывать. Для Алисы он был больше чем родителем; он был ее лучшим другом и наперсником. Рядом с папой любые трудности казались преодолимыми. Он делал всё, чтобы его дочь была окружена безусловной любовью, так что ей просто не выпадало шанса по-настоящему осознать, насколько она не соответствует Ференвуду. В действительности он занимал в ее сердце такое большое место, что она редко замечала отсутствие у себя других друзей.

Только после его исчезновения Алиса начала понимать и

ощущать вещи, от которых он так долго ее защищал. Эта потеря пробила брешь в ее броне, и холодные дуновения и шепотки страха отыскивали лазейки в глубь девочки. Она плакала до тех пор, пока глазные яблоки совсем не высохли, а веки отвердели настолько, что отказывались закрываться, лишая ее сна по ночам.

Скорбь Алисы отныне стала почти зримой ношей, которую постепенно приучалось нести ее хрупкое тело. Когда отец исчез, ей было девять, но даже маленькая Алиса бесконечно раскапывала во сне глубины своего сердца, надеясь отыскать там папу, – а наутро просыпалась опустошенная, в слезах, согнувшись от боли.

Дорогой читатель! Ты должен понимать, что Алиса, эта несомненно гордая девочка, ни за что не одобрила бы подобного вторжения в свое личное пространство. Я вполне сознаю, что подробности трагедии, которые я изложила выше, являются закрытой информацией. Но, по моему скромному мнению, вы просто обязаны знать, как сильно она любила папу. Эта потеря обнажила ее сверху донизу, однако еще закалила дух. Алиса была сломлена и не сломлена одновременно, но чем дольше она оставалась в Ференвуде, тем более одинокой себя ощущала.

Для Алисы Алексис Квинсмедоу некоторые вещи были ясны как день: если папа покинул Ференвуд, ей там тоже нет места, потому что ничего в жизни она не желала так страстно, как последовать за ним.

Видите ли, преуспеть на Сдаче было ее единственной возможностью выбраться из города.

* * *

Когда Алиса вернулась, мама ждала ее во дворе. Янтарные глаза, ярко выделявшиеся на фоне шоколадной кожи, сузились при виде девочки. Мама стояла, подбоченившись и держа в одной руке корзину. Как и Алиса, она носила ворох юбок – но предпочитала скромные, немаркие цвета и простой покррой. За пояс была заправлена кофта с длинными рукавами, которые мягкими складками ниспадали с локтей. Юбки Алисы, напротив, вздувались колоколом от нашитых на них бусин, бисера и блесток; те густо усеивали ткань, складываясь в причудливые узоры.

Если на юбке не было ни одной, хотя бы самой маленькой вышивки, Алиса ее просто не признавала.

Приближаясь к матери, девочка вглядывалась в ее лицо, окаймленное травянисто-зелеными кудрями, и думала, что сама она с каждым днем становится только милее и прелестнее. Порой взгляд на маму заставлял Алису скучать по отцу особенно сильно. Если бы он знал, какая красота ждет его дома, то не затягивал бы с возвращением.

Когда Алиса подошла к матери, взгляд той смягчился, и она, опустив корзину на землю, протянула дочери руку. Алиса приняла ее, и они молча направились к своему четырех-

комнатному домику, отделанному в медовых и каменистых тонах. Комната, чтобы есть; комната, чтобы сидеть; комната для мамы и комната для Алисы и тройняшек. Слишком тесно для пятерых – но лучшего судьба предложить им не могла.

Глиняная кровля задыхалась в объятиях ползучего плюща, который сплелся с ней так тесно, что теперь его нельзя было отстричь и садовыми ножницами. Несколько побегов нахально свешивались с крыши, и мама отвела одну лозу в сторону, чтобы они могли пройти в открытую парадную дверь.

В доме царил тишина. Братья еще были в школе.

В кухне мать указала Алисе на пустой стул. Стоило той усесться, как мама заняла стул рядом и смерила дочь взглядом таким свирепым, что Алиса содрогнулась. До этой секунды она и не представляла, какие у нее проблемы! Сердце девочки ухнуло в пятки, подпрыгнуло и вернулось на место, стукнувшись о ребра. Алиса сжала кулаки и, несмотря на краткий приступ паники, задумалась, что они будут есть на полуденник.

Мама вздохнула.

– Утром приходила миссис Ньюбэнкс.

«Дурацкая миссис Ньюбэнкс!» – чуть не закричала Алиса.

– Она сказала, что Оливер пытался с тобой связаться. Думаю, ты его помнишь.

Тишина в ответ.

– Алиса, – продолжила мать уже мягче, отводя взгляд. – Оливер прошел Сдачу в прошлом году. Сейчас ему тринадцать.

Это Алиса тоже знала.

Оливер был на год старше, так что они не должны были учиться вместе. Но он потерял год, когда ухаживал за мистером Ньюбэнксом, которого скосила лихолёдка, и в итоге оказался в ее классе. Дурацкий больной мистер Ньюбэнкс разрушил всю ее дурацкую жизнь. У дурацкой миссис Ньюбэнкс родился такой же дурацкий сынок. Дурацкие Ньюбэнксы побили все рекорды дурацкости за последние тридцать лет.

Алисе не было никакого дела до Сдачи Оливера. Да и кому было? Уж точно не ей. Если ей и следовало о ком-то беспокоиться, так только о себе.

Завтра вся ее жизнь переменится.

Алиса твердо в это верила.

Девочка скрестила руки на груди. Снова их опустила.

– Не понимаю, зачем мы ведем этот разговор, – наконец сказала она. – Я ради Оливера Ньюбэнкса и пальцами не щелкну. Может подавиться жабой.

Мама с трудом сдержала улыбку и поднялась, чтобы поставить кастрюлю на огонь.

– Разве тебе не любопытно, – спросила она, не оборачиваясь, – какое задание ему дали?

– Нет. – Алиса принялась отодвигать стул, чтобы уйти, и деревянные ножки противно заскрипели по деревянному

полу.

– Алиса, сядь. – В голосе матери больше не слышалось и намека на мягкость.

Девочка обернулась в дверях и сжала кулаки.

– Нет.

– Алиса Алексис Квинсмедоу, ты немедленно сядешь на место!

– Нет.

– *Алиса...*

Она бросилась бежать.

Прочь из дверей, вдоль по дорожке, через луг и поле, мимо пруда, через мост, по холму – и вверх, вверх, вверх по самому высокому дереву в Ференвуде. Там Алиса с бешено колотящимся сердцем уселась на самую высокую ветку и решила, что не слезет, пока не умрет.

Или пока не заскучает.

Что бы ни случилось первым.

* * *

Никто не стал ее искать.

Да Алиса и не ждала, что кто-нибудь станет. Уж точно не мать – и не тройняшки, которым в десять лет было интереснее делать рогатки из носков, чем раздумывать, куда пропадает на целый день их сестра.

Она и в самом деле была неуместной.

В глубине души Алиса надеялась, что на ее поиски отправят спасательный отряд. Может, горожане объединятся в знак поддержки самой уродливой девочки в Ференвуде.

В глубине души Алиса надеялась, что мама хотя бы забеспокоится.

Но та уже привыкла, что дочь постоянно засыпает в разнообразных лесах, лугах, оврагах и сараях – и с ней никогда ничего не случается. На самом деле, она наверняка вздохнула с облегчением, поняв, что не увидит Алису до завтра. Правда, ференики она тогда тоже не увидит – но вчера Алиса насобирала ее достаточно, чтобы сегодня устроить выходной. Или истерику.

Девочка вздохнула.

С каждым годом она все отчетливее уясняла, как утомительно человеческое бытие.

Алиса свесила ноги с ветки и подалась вперед, вслушиваясь, вглядываясь, впитывая в себя мир. Отсюда ей был виден весь Ференвуд: холмы, луга, поля и покрывавшие их бесконечные переливы цвета. Красный и синий; охра и лазурь; зеленый и розовый; аквамариновый и персиковый; желтый, оранжевый, мандариновый, фиалковый... У каждого цвета был свой вкус, сердцебиение, жизнь. Алиса сделала глубокий вдох, вбирая ее в себя.

Внизу тянулись ряды аккуратных домиков, чьи окна золотились в блекнувших потоках светливня. Где-то дымили печки и исходили любовными трелями птицы. Цветы подсла-

щивали небо разноцветными ароматами. Солнцеворот подходил к концу – а это значило, что в следующие двенадцать месяцев светливня жители Ференвуда не увидят. Какая-то часть Алисы загодя скорбела о неизбежной утрате, скучая по солнечным струям и их мягкому сиянию, которое наделяло благородством каждый камешек и травинку. Но она не могла печалиться слишком долго; только не в этом году.

Завтра наступит ее день. Первый день весны.

После исчезновения отца Сдача стала единственной целью, к которой упорно шла Алиса. И вот этот день почти настал. Завтра облака расступятся, чтобы пролить на ее жизнь свет нового смысла. Завтра она исполнит свой триумфальный танец в будущее, которое уже ждет ее в нетерпении и предвкушении. Которое в ней *нуждается*. Выиграв Сдачу, Алиса докажет, что является полноценным гражданином Ференвуда, – и получит свой единственный шанс вырваться из мира, в котором больше нет папы.

Ее сердце почти пело от предчувствий.

Алиса поднялась на ноги, осторожно балансируя на суку, и спрыгнула, хватаясь за нижние ветки. Наконец босые ступни коснулись травы, и девочка упала под дерево, задыхаясь от скорости и восторга. До конца светливня оставалась еще пара часов, и хотя у Алисы было предостаточно времени, чтобы всласть подуться на весь белый свет, обида постепенно вытеснялась радостью.

Внезапно она поняла, что проголодалась.

По дороге Алиса срывала цветы и аккуратно складывала их в карман. Это был ее любимый способ перекусить. Конечно, она любила и орехи, и ягоды, и некоторые растения (особенно хорошо те смотрелись в супе), но цветы... Нет, цветы оставались вне конкуренции.

Алиса принялась жадно откусывать стебли и лепестки – не забывая, впрочем, смаковать вспышки вкуса. Затем она нашла ручей и пила до тех пор, пока у нее не забулькало в ушах. После этого она почувствовала полный покой и удовлетворение.

Надо бы вернуться домой. Извиниться перед мамой. Выслушать, что же та хотела ей сказать. «Будь взрослее», – напомнила себе Алиса.

И все-таки она медлила.

Дома у Алисы не было собственной комнаты. Ни своего угла, ни чувства принадлежности к этому месту. Ей отчаянно хотелось к чему-нибудь *принадлежать*. Но у такой девочки – дочери, не похожей на мать, сестры, не похожей на братьев, – не было особой надежды. Лучше всего она чувствовала себя в дикой природе, где цветам не требовалось в точности походить один на другой, чтобы жить в согласии.

В любом случае она не хотела непременно *нравиться* людям.

Довольно было того, что она нравилась сама себе, считала себя весьма интересной (а также умной, творческой, милой, забавной, дружелюбной и душевной) и искренне не понима-

ла, почему не вписывается ни в одну компанию.

Да, помимо всего перечисленного, Алиса находила себя весьма привлекательной.

Может, ее волосы и были лишены определенного цвета или формы, но с ними не возникало никаких проблем: они не оживали по ночам, не шипели и не кусали детишек за пятки. А ее кожа, не имевшая даже слабого оттенка румянца, вполне исправно покрывала Алисины внутренности и отнюдь не была грязной, колючей или чешуйчатой.

Может, ее глаза и не могли назваться карими – в радужках плескалось лишь по капле бледного меда, – но они были большими и яркими. Да, порой они подводили Алису, но перед исчезновением отец научил ее видеть все, что нужно. К тому же эти глаза прелестно расширились, когда Алисе требовалось убедить окружающих, что это не она дернула кошку за хвост (попробуй докажи!).

Все будет хорошо.

На самом деле, все уже почти стало хорошо – то есть она начала в стотысячный раз отрабатывать свой танец, когда (только не говорите, что вы этого не ждали!) Оливер Ньюбэнкс появился под деревом, чтобы разрушить все в третий раз за два дня.

Алиса пожалела, что не прихватила с собой лопату.

– Твоя мама сказала, что я найду тебя здесь, – произнес он вместо приветствия.

Девочка продолжила мысленно считать такты. Пальцы ног

впивались в землю, бедра покачивались, руки взмывали в воздух, а юбки вращались по кругу в безупречном, однажды налаженном ритме. Звон браслетов составлял совершенную гармонию с ударами ног. Танцую, Алиса становилась частью леса, неба... мира.

Музыка давала ей корни.

И она с каждым шагом вырастала этими корнями в мягкую душистую почву. Танцую, Алиса чувствовала ее глубинные токи, пульсации, дыхание деревьев, которое текло сквозь нее – и дальше, в самую высь. Будь ее воля, она бы никогда не остановилась. И никогда не забыла этого чувства.

– Алиса, прости меня, – сказал Оливер.

Девочка продолжала кружиться.

– Я виноват. Пожалуйста, дай мне объяснить...

Алиса резко остановилась. Юбки по инерции захлестнули ноги. У нее вышло время и терпение, и ей не было никакого дела до того, что он собирается ей сказать – вот просто ни капельки.

Алиса шагнула к Оливеру Ньюбэнксу, сграбастала его за ворот рубашки и бесцеремонно дернула вниз, чтобы их глаза оказались на одном уровне. (Учитывая, что за год он вымахал на сажень, это было совершенно честно.)

– Чего тебе надо? – прошипела она.

Оливер был напуган – хоть и умело это скрывал. Столкнувшись с ним лицом к лицу, Алиса снова услышала песню его сердца и оказалась мгновенно захвачена ее красотой.

Песней его души – и ее невероятной гармонией. Она разлила ее еще вчера, но была тогда слишком расстроена, чтобы разбираться, что все это значит.

Алиса выпустила воротник Оливера и сделала несколько шагов назад. Ей больше не хотелось стоять рядом с ним.

– Пожалуйста, – произнес мальчик, складывая ладони в умоляющем жесте. – С тех пор прошла целая вечность. Я был глупым ребенком. Я этого не хотел.

Алиса смотрела на него так долго, что это стало почти неприличным.

– Ладно, – ответила она наконец.

После чего развернулась и зашагала прочь.

Она уже наполовину пересекла луг, когда Оливер догнал ее, задыхаясь от бега.

– Что значит «ладно»?

Алиса закатила глаза, хоть он и не мог этого увидеть.

– Это значит, что теперь мы можем быть друзьями?

– Определенно нет.

– Почему?

– Потому что я никогда не буду тебе доверять.

– Да брось, Алиса! Я правда не хотел...

Алиса обернулась и сузила глаза.

– То есть ты не думаешь, что я самая уродливая девочка в Ференвуде?

– Нет! Разумеется, не...

– Тогда зачем ты это сказал?

Оливер замялся.

– Ты жестокий, глупый мальчишка, – заявила Алиса, продолжая путь. – И ты мне не нравишься. Так что проваливай, и хватит уже меня донимать.

Ну вот. Теперь он отстанет.

– Не могу.

Алиса замерла.

– Что?

– Я не могу, – повторил Оливер, на этот раз со вздохом.

Когда Алиса оглянулась, мальчик смотрел на собственные руки. Потом отвел глаза.

Так вот почему мама улыбалась. Должно быть, она считала это смешным. Нет, *уморительным*.

– Алиса, – прошептал Оливер.

– Лучше молчи.

– Алиса...

Она заткнула уши и принялась напевать себе под нос.

– Алиса! – Оливер схватил ее за руки и развел их в стороны. – Алиса, мне задали... тебя.

Девочка уставилась в небо, борясь с желанием пнуть его по коленной чашечке.

– Ты бесстыжий врун.

– Я тебя люблю.

– Соболезную.

Оливер несколько раз моргнул.

– Но, Алиса... – Мальчик явно был сбит с толку.

– Тебе задали меня? Когда? Год назад? И ты год собирался с духом, чтобы со мной заговорить?

– Я... перенервничал, – промямлил Оливер. – Я этого не ожидал. Мне нужно было все обдумать... Осознать...

– Ты любишь меня точно так же, как я люблю этот пень. – И Алиса указала на трухлявый пень. – А теперь я отправляюсь домой. Премного благодарна за доставленное неудобство.

– Но...

– Проваливай, Оливер.

– Ладно, – сказал он, не отставая ни на шаг. Алиса видела, что он расстроен. Расстроен и в нетерпении. – Ладно... Прости меня.

И Оливер стиснул челюсти, глядя прямо на Алису.

– Я соврал. Ясно? Соврал.

Девочка, не дрогнув, вернула ему взгляд.

– И чего же ты от меня хочешь?

Оливер в смятении покачал головой.

– Как ты поняла? Никто не может раскусить мою ложь.

Это мой единственный талант...

– Чего ты хочешь? – упрямо повторила Алиса.

Он глубоко вздохнул:

– Мне нужна твоя помощь.

Алиса вытащила из кармана цветов и откусила верхушку.

– Ну разумеется, – пробормотала она с набитым ртом. –

Как я раньше не догадалась.

Глава следующая

Алиса нашла свободный клочок травы и уселась, веером разложив вокруг юбки. Ноги она вытянула и скрестила в лодыжках, а руки уперла в землю позади себя. Из угла рта у девочки свисала недоеденная маргаритка.

– Продолжай, – предложила она, щурясь на Оливера в потоках светливня. Без сомнения, он был симпатичным мальчишкой, но стал бы еще симпатичнее, если бы вымыл с мылом не только голову, но и мысли в ней.

Оливер запустил руку в волосы, и несколько прядей упали

ему на глаза, резко контрастируя со смуглой кожей. По цвету они в точности напоминали серебристую сельдь. Алиса на мгновение задумалась, не ел ли он эту рыбу в детстве, и с трудом подавила дрожь.

Мальчик прислонился к соседнему дереву, скрестил руки на груди и смерил Алису долгим взглядом. Она выдержала его, не моргнув.

– Это намного сложнее, чем я думал, – пробормотал Оливер.

– Да? – Алиса невозмутимо продолжала жевать стебель маргаритки.

– Как ты можешь сопротивляться силе моего убеждения? Алиса пожала плечами.

– Как ты можешь быть таким злобным мальчишкой?

Он нахмурился.

– Я не злобный.

– Но ты по-прежнему считаешь, будто я самая отвратительная девочка в Ференвуде?

Он неторопливо обдумал ее вопрос.

– Ты должен знать, – добавила Алиса, – что я ради тебя и ногой не топну, пока ты не будешь со мной совершенно честен.

И она, вытащив из кармана тюльпан, протянула его Оливеру. Тот поморщился, покачал головой и отвел глаза.

– Не понимаю, как ты можешь есть все эти штуки.

Алиса скорчила гримасу и целиком засунула тюльпан в

рот.

– И так? – сказала она, не прекращая жевать. – Ты считаешь меня отвратительной?

Оливер покачал головой.

Алиса оцепенела.

– Нет?

Последнее слово она проговорила почти шепотом. Сердце так и бухало в груди. До этой минуты Алиса даже не осознавала, как сильно надеялась, что он передумает. Ей не хотелось быть уродливой. Ей так отчаянно не хотелось быть уродливой.

– Ты не считаешь меня отвратительной?

Оливер пожал плечами:

– Я считаю, что ты никакая.

– О...

Алиса опустила голову. Его слова жалили ей лицо: каждый слог – как крохотная змейка.

Никакая было гораздо хуже, чем *уродливая*.

Щеки Алисы залила краска, на коже расцвели красные и розовые пятна. Оливер это заметил.

– Слушай, – сказал он мягко. – Я просто старался быть честным, как ты и...

– Знаю, – ответила она чересчур громко, быстро моргая.

Не нужно было ей его сочувствие. Алиса подняла голову и, несмотря на пылающие щеки и колотящееся сердце, взглянула Оливеру прямо в глаза. Не важно, что он про нее дума-

ет, сказала себе девочка. (Даже если на самом деле это и не так. Не вполне.)

– Тогда будь честен и в остальном, – произнесла она. – Что ты тут делаешь?

Оливер вздохнул. Посмотрел на свои руки. Снова на Алису. Снова на руки. И снова на нее – на этот раз уже не отрываясь.

– Я знаю, что ты знаешь.

Полупрожеванная маргаритка выпала у Алисы из открытого рта.

– Боюсь, если я что и знаю, так только то, что не знаю, что ты знаешь.

– Ты не единственная видишь правду, Алиса.

– Что? – Глаза девочки расширились. – Ты... ты умеешь читать мысли? – продолжила она шепотом.

– Нет, – рассмеялся Оливер. – Я обладаю даром убеждения. А еще – способностью узнавать один факт о каждом человеке, которого встречаю.

– Серьезно?

Он кивнул.

– И что это за факт?

– Его самый страшный секрет.

Если бы Алиса уже не сидела, ей бы пришлось немедленно это сделать.

Теперь все наконец объяснилось. Симфония, звучавшая в его крови и костях; красота, заморозившая девочку нака-

нуне. Она проистекала из тайных песен и шепотков каждой души, которую встречал Оливер на протяжении вот уже тринадцати лет.

Это было поразительно.

– Ладно, – сказал мальчик, явно чувствуя себя более свободно. – Я был с тобой честен. Взамен мне нужна твоя помощь.

– Сядь, – велела Алиса, указывая на землю рядом с собой.

Оливер подчинился.

– И давно ты знаешь?

– Знаю что?

– Ну... Это самое... – И Алиса сделала замысловатый жест рукой, который не обозначал ровным счетом ничего.

Оливер тем не менее ее понял.

– С той минуты, как тебя увидел.

– Почему же ты молчал? Почему рассказал об этом только сейчас?

– Потому что, – и он вздохнул. – Со дня Сдачи прошел почти год, а я до сих пор не выполнил свое задание. Это уже кажется невозможным.

– Но если я тебе помогу... Это ведь будет жульничество?

– Никто не узнает.

– Если только я не расскажу, – нахмурилась Алиса.

– Не расскажешь.

Девочка вскочила на ноги.

– Оливер Ньюбэнкс, – начала она потрясенно, – за всю

свою жизнь я солгала ровно три раза – и совершенно точно не буду лгать в четвертый ради тебя. Если ты думаешь, что можешь меня запугать и втянуть в какую-то противозаконную магию – в которую я, между прочим, даже не верю, – то тебе, должно быть, ананас упал на голову.

– Эй, эй! – запротестовал Оливер, тоже поднимаясь на ноги. – Никто от тебя не требует никакой магии. Ясно?

Алиса недоверчиво прищурилась. Мальчик вздохнул и пожал плечами.

– Как бы там ни было, ты наверняка передумаешь, когда узнаешь, что я могу тебе предложить.

– Не передумаю.

– Передумаешь, – ответил Оливер. – Потому что предложить я тебе могу кое-что очень ценное.

– Тебе нечего мне предложить, ты, огурец-переросток!

Оливер смерил девочку внимательным взглядом.

– Алиса, – сказал он, – я знаю, где твой отец.

* * *

– Ох.

Алиса почувствовала себя марионеткой, которой вдруг перерезали нитки. Девочка снова опустилась в траву, оглядываясь с таким видом, будто забыла, где находится.

– Ох...

– Ты pomoжешь мне, – повторил Оливер, наклоняясь к

ней, – а я помогу тебе. Все просто.

Алиса не могла этого доказать, но она всегда знала, что отец жив. Да, она оплакивала его утрату, но ей бы и в голову не пришло оплакивать его смерть, потому что она была уверена – абсолютно, совершенно уверена, – что однажды его найдет. Папа просто ушел. Куда-то. Где-то он есть!

Однако ей нужно было удостовериться.

– А что, если ты врешь? – прошептала она, глядя на Оливера глазами размером с подсолнухи.

– Ты бы уже знала, – ответил мальчик, очевидно удрученный этим фактом.

Это и в самом деле было так. Она бы уже знала.

Через неделю после исчезновения отца Алиса совершила самую большую сделку в своей жизни. В то время ее сбережения составляли семь финков – не хватало одного финка до стоппика, – и она потратила их все, чтобы дать магический обет: до тех пор, пока с ее губ не слетит ни одна ложь, никому не удастся ее обмануть или одурачить. Только так она могла быть уверена, что рано или поздно найдет отца. Что никто не собьет ее с пути.

(Должна заметить, что, хотя в Ференвуде было в порядке вещей тратить финки и стоппики на сиюминутные фокусы и причуды, поступок Алисы, несмотря на всю его романтическую, представляется мне чрезвычайно непрактичным. В конце концов, она потратила целых семь финков! Впрочем, мы не можем винить девочку, которая пыталась вернуть

хоть какой-то контроль над своей жизнью, правда? Но я отвлеклась.)

– Ох, Оливер, где же он? – вдруг спросила Алиса. Руки ее тряслись, сердце неслось вскачь, а голову переполняли страхи и надежды. – Куда он ушел?

– Не так быстро, – ответил мальчик, поднимая ладонь. – Сначала мы выполним мое задание, а потом вернем тебе отца.

– Но это нечестно...

– Это все, что я могу предложить.

– Нам обоим есть что терять, – возразила Алиса. – Если ты не выполнишь задание...

– Я знаю. – И Оливер смерил ее таким взглядом, что она умолкла. – Знаю, что случится, если я не справлюсь. Необязательно произносить это вслух.

Алиса как раз и собиралась произнести это вслух, когда осознала одно ужасное обстоятельство – и в отчаянии привалилась к дереву, причитая: «О нет, о нет!»

– Что? – Оливер старательно делал вид, что ему не интересно. – Что такое?

– Завтра, – простонала Алиса. – Завтра первый день весны!

– И что с того?

– А то, – ответила Алиса, закипая. – Завтра я сама получу задание!

– Тебе уже двенадцать? – удивился Оливер. – Я думал,

девять.

Алиса предпочла пропустить это замечание мимо ушей.

– Что, если мне поручат поймать дракона, как Фэнни Бердфинску? Или отправят к звездам, как Сэлли Содкрайер? Или скажут целый год подковывать коров серебряным пенни?

– Глупости, – бросил Оливер. – Никто тебя не заставит подковывать коров серебряным пенни. На худой конец – золотым никелем, или...

– Или мне велят объезжать диких коз! Ох, Оливер, тогда я не смогу тебе помочь.

– Ладно, – сказал он, потирая лицо ладонями. – Я понял. Едва родившиеся надежды Алисы были разбиты вдребезги. Их осколки аккуратной стопочкой лежали у ее ног.

– Если только... – вдруг начал Оливер.

Алиса подняла на него несчастный взгляд.

– Если только... – повторил мальчик и умолк.

– Продолжай.

Оливер с сомнением на нее покосился.

– Если только ты не откажешься от Сдачи.

Алиса судорожно вздохнула.

Отказаться от Сдачи было выходом, который выходом вовсе не был. Сдача была ее единственным шансом доказать, что она чего-то стоит, и заставить наконец вращаться шестеренки собственного бытия. Каждый ребенок в Ференвуде рос в предвкушении своего уникального задания, лично-

го приключения и главного вызова в жизни.

Алиса мечтала об этом шансе двенадцать лет.

Да, на вид она могла отличаться от прочих горожан, но ее сердце было сердцем истинного ференвудца, и она имела право на задание, как и любой другой. Она шла к этому дню через весь младшерост, среднерост и домашнее обучение с мамой – к тому заветному часу, когда она, несмотря на все свои странности, сможет хоть в этой малости сравняться со сверстниками.

Если она упустит свой шанс, это разобьет ей сердце.

Как разбило ей сердце исчезновение отца.

Святые прянички, она совершенно не представляла, что делать.

* * *

Алиса потерянно брела к городу. Она и сама понятия не имела, почему выбрала этот путь, но сегодня у нее выдался чрезвычайно странный день, и она просто не могла сейчас отправиться домой. К тому же она ходила этой дорогой не так часто. Каждый визит в город становился для девочки болезненным искушением. Там можно было найти (и купить!) столько интересного – но с единственным финком в кармане Алисе оставалось в основном разглядывать и вздыхать.

Теперь девочка шагала по знакомым тропинкам, которые перетекали в мощенные булыжником улочки, без обычного

предвкушения. Погруженная в свои мысли, она машинально переступала узловатые корни, обходила спящих пичуг и то и дело прислоняла отяжелевшую голову к какому-нибудь дереву. Вскоре она перестала замечать, где находится и куда направляется. Пообнимавшись пару минут с очередным деревом, Алиса вздохнула и уже собиралась продолжить путь, как вдруг ее внимание привлек какой-то шорох. Оглядевшись, девочка обнаружила и виновника: городская газета беспомощно хлопала бумажными крыльями, зажатая в пальцах переплетенных ветвей. Алиса привстала на цыпочки, высвободила газету и без особого интереса просмотрела новости на первой странице. Кто-то предлагает вареный картофель по пять финков за мешок. Городскую площадь готовят к церемонии Сдачи, приносим извинения за доставленные неудобства. Не видел ли кто карликовую козу мистера Персифаля? Зейнаб Тинксер продает лимонное каноэ за пятнадцать тинтонов.

От последнего объявления у Алисы расширились глаза.

Пятнадцать тинтонов! Да она в жизни не видела столько магии – и даже не представляла, что делать с такой уймой. (Глупости, конечно. На самом деле еще как представляла. Алиса потратила бы все до последнего финка, чтобы найти папу.) Девочка снова подумала, как славно было бы поскорее вырасти, начать зарабатывать самой и перестать зависеть от переменчивых щедрот матери.

Алиса сложила газету и сунула ее под мышку.

В Ференвуде редко происходило что-то, достойное сводки новостей; всё всегда было предсказуемо хорошо. Правда, недавно город потрясла нежданная беда: особенно яростный порыв ветра унес с поля нескольких поросят – но с тех пор прошла добрая неделя. Самой большой трагедией Ференвуда стало исчезновение Алисиного папы три года назад. Эта новость была одновременно и самой странной: никто из жителей города в жизни не покидал его границ.

Алиса тоже никогда не выезжала за пределы Ференвуда. И никто из ее знакомых ребят. Единственным исключением в размеренной жизни ференвудцев становилось традиционное задание – но, выполнив его, все они непременно возвращались домой. Городок был с трех сторон окружен морем, и чтобы выбраться в большой мир, им приходилось огибать Феннельскайн – в котором, как я уже упоминала, ни один из них не был по очевидным причинам. (Здесь нужно сделать оговорку, что лично мне эти причины отнюдь не очевидны, но за все время наблюдения за Ференвудом мне так и не удалось добиться хоть сколько-нибудь вразумительного ответа, почему ференвудцы с таким упорством избегают встреч с соседями. Боюсь, этот ответ оказался бы весьма банальным: например, они считают Феннельскайн невыносимо скучным, – хотя утверждать наверняка я опять-таки не возьмусь.)

Однако главная причина, по которой никто из ференвудцев не покидал города, заключалась в том, что для выжива-

ния им была необходима магия. Отец ушел три года назад – такой срок считался в Ференвуде смертельным. Едва ребята осваивали язык, родители принимались твердить им, что уйти из города – значит обречь себя на верную гибель. Они питались магией, дышали ею; магия составляла саму суть их бытия. Отношения ференвудцев с землей представляли собой полный симбиоз: горожане мирно жили среди грядок и деревьев, а те взамен обеспечивали их всем необходимым. Зерна магии, от рождения укорененные в обитателях Ференвуда, заботливо взращивались землей, которую они удобряли и вспахивали.

Без земли им было не выжить.

Именно в этом заключалась главная беда, боль и правда, которая делала потерю отца столь безнадежной: за пределами Ференвуда магии не было. По крайней мере, достоверно о таком никто не слышал. Конечно, ходили слухи, что есть и другие, далекие волшебные земли, – но людям только дай почесать языками, правда? Слухи рождаются от скуки, а подобная чепуха – от безрассудства. Что до Ференвуда, все его жители предпочитали полагаться на проверенные знания, а не выдумки и догадки. Они вообще не очень одобряли выдумки. По крайней мере, так полагала Алиса – хоть и не имела тому прямых доказательств. Утрата отца подточила благоразумие девочки, и теперь она была готова поверить в любую чепуху, способную его спасти, – даже если это делало ее непростительно странной в глазах окружающих. Может,

отец нашел другой оазис магии; может, он еще жив. Может, он до сих пор ищет дорогу домой.

В глубине души Алиса жила в эпоху до появления надежных карт, уличных знаков и нумерованных домов. В глубине души она жила в эпоху, когда шагнуть за порог значило сказать «до свидания», а не «прощай»; когда разлука дарила надежду на новую встречу.

Видите ли, кроме надежды, у Алисы ничего не было – но с нею она могла взобраться на любой холм и переплыть океан.

* * *

Центр города всегда повергал Алису в шок – независимо от того, сколько раз она там бывала, – и я не могу сказать, что виню бедную девочку. Там было чему удивлять. Бесконечная вереница мощных зданий всем своим видом свидетельствовала о прекрасном знании геометрии. Дуги, выгибаясь, снова сходились в прямые линии; дома венчали черепичные треугольники, волны или купола – в зависимости от того, какого головного убора требовали монументальные стены. Что же до самих стен, они были щедро украшены треугольной, восьмиугольной и звездчатой плиткой. Завитые спиралями кирпичные трубы уходили прямо в небо, двери не уступали в высоте стенам, а цвета – вы уже догадались, да? – были яркими, сочными и дробились на множество оттенков. (Случайному прохожему могло бы показаться, что вся эсте-

тика Ференвуда служит наглядным ответом на один вопрос: «Сколько красок уместятся на квадратном метре?») В расположении улиц тоже нельзя было усмотреть какой-либо логики, кроме стремления наилучшим образом подогнуть друг к другу здания разных оттенков. Те же напоминали диковинные цветы, по прихоти светливня проросшие из ференвудской земли.

Семья Алисы была одной из немногих, которые жили в пригороде. И хотя порой ей было трудновато взбираться на гребни холмов и ловить неверное эхо последних новостей, такая удаленность от города позволяла избегать встреч с бывшими однокашниками и носатыми взрослыми, которые каждое утро проталкивались сквозь гомон толпы. В большинстве случаев Алиса получала искреннее удовольствие от этих вылазок в центр мира, но, даже опьяненная восторгом, никогда не забывала своего места в нем.

Девочка шагнула на булыжную мостовую и позволила звукам и запахам городской жизни накрыть себя с головой. Ференвуд купался в последних лучах светливня, под окнами качали пестрыми головками цветы, где-то звонили колокола и перекликались со своих крылечек старые друзья. Отцы прогуливались под руку с матерями, а те окликали «Спокойней, спокойней!» бойких детишек, замороженных уличными лотками и их громогласными хозяевами. Глядя на них, Алиса особенно отчетливо ощущала вес последнего финка в кармане. Как бы ей хотелось тоже пройти по улице за руку с

папой!

Впрочем, не важно.

Алиса накрыла ладонью кулак, в котором зажала монетку, и принялась пробираться через толпу. Девочка была уже достаточно высокой, чтобы видеть, куда идет, но все еще слишком маленькой, чтобы поминутно получать локтем по уху или чьим-нибудь подолом по щеке. Вокруг то и дело сверкали серебряные ковшики продавцов специй, и вскоре Алисе начало казаться, будто она плывет в огромном облаке кокосовой стружки, шелковистой мяты и шафрана.

Возле входа в «Асал Масал и Волшебный чай» творилось настоящее столпотворение: всем желающим предлагали продегустировать чай, увеличивающий рост минимум на четыре сантиметра. Особенным спросом он пользовался у младшеростников. Ребята постарше рылись в богато украшенных коробках с временными чарами:

ПЯТЬ ФИНКОВ, ЧТОБЫ ВЛЮБИТЬСЯ
СЕМЬ ФИНКОВ, ЧТОБЫ УДЛИНИТЬ ВОЛОСЫ
СТОПНИК, ЧТОБЫ СТАТЬ НЕВИДИМЫМ

Старшее поколение в это время отдыхало на веранде за столиками, украшенными замысловатыми узорами из цветного стекла. Некоторые леди и джентльмены, чей преклонный возраст извинял подобные прихоти, с улыбкой попыхивали сусальными трубочками. Когда они смеялись, изо рта

у них вылетали клубы голубого, алого и пурпурного дыма. Проходя мимо, Алиса шмыгнула носом, и голова ее сразу наполнилась горячей ароматной тяжестью. Девочка невольно улыбнулась и уже не в первый раз подумала, как славно будет поскорее вырасти и заняться более интересными вещами.

Но Алиса продолжала проталкиваться к «Ширини Фири-ни» – лучшему в городе магазину сладостей, – и никакая на свете сила не смогла бы ее остановить. Девочка преодолела мягкую гору ковров ручной работы (каждый – в своих цветах и узорах) и лишь на пару секунд замедлилась перед лотком с теплыми, только что испеченными караваями. Запахи золотистой, замешанной в самых невообразимых формах выпечки так вскружили Алисе голову, что она чуть не врезалась в толпу горожан, которые решили попрактиковаться в хорошем пении прямо посреди улицы. Алиса отскочила в сторону как раз вовремя, чтобы не попасться на глаза Дэниелу Рубину: тот переходил дорогу, чтобы присоединиться к певцам. Девочка едва удержалась от гримасы.

Все мы кому-то завидуем, верно?

Для бесцветной Алисы Дэниел Рубин представлял собой воплощенный кошмар. Это был самый яркий двенадцатилетка, которого девочка только знала: роскошные черные волосы, глубокие чернильные глаза и кожа цвета ночных сумерек, для которой природа смешала сангину, охру и корицу. Он *обладал* цветом – и умел его носить. Даже свои лучистые глаза он подводил темной краской, отчего Алиса со-

вершенно теряла присутствие духа. Она слышала шепотки; она знала слухи. Горожане бились об заклад, что в этом году Дэниел выиграет Сдачу: без сомнения, столь красочный человек должен быть и самым магически одаренным. В глазах Ференвуда у Алисы не было ни шанса.

Ну и пожалуйста. Завтра они увидят, как ошибались.

Алиса сжала кулаки и бросилась в гущу толпы с такой яростью, что чуть не сшибла стайку девочек, которые красили ногти хной. На секунду Алиса оцепенела, страстно желая оказаться в их компании, – но потом опустила голову и строго напомнила себе, что ее возможности ограничены одним финком. Когда девочка наконец добралась до «Ширини Фирини», то еле дышала от усталости. Поход в город всегда был рискованным предприятием, но ей следовало дважды подумать, прежде чем соваться в центр сегодня, накануне Сдачи. Весь Ференвуд дрожал от предпраздничного возбуждения; должно быть, торжества продлятся до конца недели. На крыльце магазина Алиса оглянулась на небо – до наступления темноты оставалось всего ничего.

Едва девочка переступила порог, ее окутало густое сахарное облако. На целых три секунды в ее сердце воцарилась божественная легкость, а в мыслях – розовое видение, как она бросается на прилавки и сгребает полные пригоршни сладостей. Алиса понимала, что все это – магия сахарной пыли, но все же позволила себе на мгновение поддаться ей, прежде чем единственный финк в кулаке напомнил хозяйке о суро-

вой правде. Алиса помотала головой и обвела прилавки уже более трезвым взглядом. Одна монетка не давала ей особого выбора, но она все же хотела осмотреться и прицениться.

С потолка свисали круглые стекляшки; леденцы-трости продавались связками по три; в витрине поблескивали банки со сливишневым вареньем; из деревянных кувшинчиков выглядывали крыжовниковые ириски. Еще там были замороженный изюм и гранаты, корзины с листьями из золотого фигурного шоколада и десятки бочонков с абрикосовым медом, который шипел на языке. Рассматривая их, девочка еще сохраняла остатки самообладания – но потом углядела подносы с *зулзулами* и не смогла сдержать тоскливого и влюбленного вздоха. Зулзулы представляли собой спирали нежно обжаренного теста, вымоченные в меду и покрытые засахаренными лепестками роз. Когда бы вы ни спросили Алису о ее любимом лакомстве, она бы уверенно указала на них. (Разумеется, это было бы неправдой, потому что Алиса в жизни не пробовала ни одного зулзула. Но она вполне могла *вообразить* их вкус, и этого в каком-то смысле было достаточно.)

Наконец девочка с неохотой вытащила из маленького пластикового бочонка единственный чуденец и пообещала себе, что однажды непременно вернется сюда с карманами, полными стоппиков и финков, и купит себе все, что пожелает.

Однажды. Непременно.

Теперь, когда ее главная задача была выполнена, Алиса поспешила домой. Солнце почти село, а девочка не пред-

ставляла, что с ней сделает мама, если она снова вернется по темноте.

Она ныряла из переулка в переулок, закладывала крутые виражи вокруг прилавков со специями и проскальзывала между вешалок с юбками. Она огибала торговцев, чудом избегала столкновения с прохожими и лишь изредка вскидывала голову, чтобы бросить взгляд на свои любимые витрины. «Стежок за шажок» продавал самошвейные иглы по три финка за упаковку, и Алиса мгновенно выбросила эту информацию из головы. Сабзи, местный бакалейщик, торговал лимонными плетенками по два финка за фунт, и этот факт Алиса положила на мысленную полку с ярлыком «для мамы». Но потом девочка заметила, что в «Переплет» – лучший книжный магазин в городе – завезли новые книги, и невольно сбилась с шага. Девочка затормозила так резко, что чуть не упала, и, отбросив благоразумие, жадно приникла носом к витрине. Первым делом она заметила за стеклом небольшую группу людей, столпившихся вокруг мужчины с опрятной бородкой. Он носил сразу несколько пар очков и тунику на три размера больше нужного, и Алиса догадалась, что это автор, представляющий новую книгу. Девочка вывернула шею, чтобы прочесть название томика у него в руках – «Рождение стоппика: проникая в умы Фенжуна Хартвезера и Сальды Миллердон, величайших чудопашцев в истории Ференвуда», – и разочарованно вздохнула.

Алиса никогда особенно не интересовалась историей чу-

допашества. Она находила это занятие невыносимо скучным и, если говорить начистоту, даже неприятным – поскольку опасалась, что в один ужасный день оно станет и ее участью. Всю свою недолгую жизнь Алиса страшилась бесславной судьбы под знаком мотыги и плуга. Чудопашество было почетным, но чрезвычайно безочаровательным делом, и Алиса многое бы отдала, чтобы оказаться по ту его сторону – например, преобразовывать сырую магию во что-нибудь полезное людям.

Она уже собиралась продолжить путь, как вдруг вспомнила, почему остановилась. На витрине были выставлены две книги: «Сдача, задание и долгий путь домой: как отпустить ребенка во взрослую жизнь» и «Чемпионы прошлых лет: вспомним наших ференвудских героев».

Глаза Алисы увеличились по меньшей мере вчетверо, и она, ураганом влетев в магазин, бросилась к книгам на витрине. С дрожащими руками и отчаянно бьющимся сердцем девочка схватила экземпляр «Чемпионов» и провела пальцем по обложке, с которой, в небольшой компании других городских героев, улыбался папа – тоже двенадцатилетний, сияющий от гордости. Победитель Сдачи тридцать лет назад.

Алиса всегда помнила, что папа был Чемпионом. Он заслужил этот титул благодаря живости ума и способности удерживать и воссоздавать даже сложные образы. Ему дали задание обойти весь Ференвуд и стать его первым настоящим картографом. Он должен был вместе со Старейшинами

создать набор точных и удобных карт, которые украсили бы любой дом и сделали путешествия по городу легкими и безопасными. Папина работа оказалась столь выдающейся, что его попросили остаться со Старейшинами даже после ее завершения. Это было обычным делом для Чемпионов, которые считались самыми магически одаренными представителями своего поколения. Но папа был не просто Чемпионом. Он был другом Ференвуда. Его все любили. Ходили слухи, что однажды он и сам станет Старейшиной. Но вместо этого он ушел, и ни одна живая душа не знала почему.

* * *

Когда Алиса наконец добралась до дома – прямо перед наступлением темноты, – мама заваривала чай. Девочка проскользнула в открытую дверь. В кармане у нее лежала сладкая тайна – бережно завернутый в бумагу чуденец, припасенный для особого случая. Алиса неделями ждала возможности потратить этот последний финк и теперь вполне примирилась с потерей всех сбережений. Тройняшки ели яблониное варенье прямо из банки; их круглые мордашки и пальцы были усеяны фиолетовыми пятнами. Мама передвигалась по кухне, напевая под нос какую-то мелодию, и хотя Алиса стояла прямо перед ней, она смотрела сквозь дочь, будто той здесь вовсе не было.

Ну и ладно.

Алиса была расстроена и устала до смерти, а потому просто плюхнулась на свой стул и устроила подбородок на скрещенных руках. Сегодня ничто не смогло бы смыть тяжесть мира с ее плеч – даже полные щеки сладостей. Алиса рассеянно подумала, что миру не помешало бы сбросить пару фунтов. Ей отчаянно требовалось найти отца, и так же отчаянно – получить задание. Днем она так и не смогла прийти ни к какому решению, оставив вопрос Оливера висеть в воздухе над лугом.

Чтобы найти папу, ей нужно было довериться Оливеру. Принести свое будущее в жертву ради спасения *его*. И это все равно ничего не гарантировало. То, что она могла видеть ложь, не значило, что ей стоит без оглядки доверять человеку, который ее уже однажды предал.

Алиса выбралась из-за стола и направилась в спальню, радуясь, что братья еще какое-то время будут заняты на кухне. В этой комнате ей принадлежал лишь один маленький уголок, и он находился под землей.

Алиса прятала всю свою жизнь в подполе спальни. Книжки и безделушки, одежду и цветы – все драгоценности, которыми владела.

Девочка, стараясь не шуметь, вынула несколько деревянных половиц и осторожно достала свой наряд на завтра. Она работала над ним два года, аккуратно подшивая стежок к стежку, лоскуток к лоскутку. Четыре юбки, блуза с рукавом до локтя, жилет и короткая курточка-безрукавка. Их допол-

няла вязанная вручную шапочка, отделанная желтым тюлем и расплюснутыми оловянными монетками. Алиса месяцами окрашивала и украшала блеклые ткани: вышивала цветы, складывала в причудливые узоры бисер и блестки и приделывала к подолу крохотные зеркальные осколки – так, чтобы юбки переливались при каждом шаге. Теперь на коленях у нее пылал настоящий взрыв цвета, отягощенный всем вложенным в него трудом. Алиса даже знала, какие цветы вплетет завтра в косу.

Знала, что будет неотразима.

Она произведет на Старейшин такое впечатление, что им ничего не останется, кроме как присудить ей первое место – и поручить лучшее задание. Она станет городским героем, как отец тридцать лет назад, и заставит свою семью гордиться. В этом не может быть и тени сомнения.

Вся жизнь ференвудских детей была подготовкой к Сдаче. Каждый ребенок рождался с уникальным магическим талантом; задача родителей и наставников заключалась в том, чтобы выявить и развить этот талант – и в конце концов представить его на церемонии Сдачи. Это была демонстрация чистого, пока не отшлифованного дара; от ребенка требовалось наглядно показать, чем его талант может быть полезен городу – потому что самые одаренные получали самые лучшие задания. Лучшие приключения.

Алиса выросла с мечтой об этом дне.

Но ей не требовалась помощь учителей: природу своего

дара она обнаружила сама. Много лун назад отец подсказал ей, что делать. Может быть, он не понял этого сам – зато поняла она.

– Слышишь? – спросил он однажды ночью. Они стояли под звездным небом.

– Слышу что? – не поняла Алиса.

– Музыку.

– Какую музыку?

Отец закрыл глаза и улыбнулся луне.

– Алиса, Алиса, – прошептал он. – Открой сердце. Навостри уши. И никогда не отказывайся, если мир просит тебя станцевать.

Той ночью они заснули в обнимку в траве – она и папа, не произнеся больше ни слова. Алиса слушала, как оживает под ней земля: поет ветер, шепчет трава, шлепают мокрыми лапами озера. Деревья потягивались ветками, цветы зевали лепестками, готовясь отойти ко сну, и даже звезды мигали часто-часто, будто борясь с подступающей дремотой. Слушая мир, Алиса стала свидетелем его потаенного сердцебиения. Ни разу в жизни она не чувствовала себя такой настоящей.

С тех пор, когда отец спрашивал, слышит ли она музыку, Алиса всегда точно знала, что он имеет в виду. И никогда не отказывалась, если мир просил ее станцевать.

Подняв голову, Алиса увидела в дверях мать. Та не выглядела расстроенной, хотя по-прежнему держала руки скрещенными на груди.

– Готова? – спросила она, кивая на парадные юбки Алисы.

– Думаю, да, – тихо ответила девочка, гадая, что сказала бы мама, узнав об эгоизме дочери. Узнав, что задание Старейшин для нее оказалось важнее поисков отца.

Мама никогда бы ее не простила.

– А что, если мне придется уехать из Ференвуда? – спросила Алиса, вдруг расчувствовавшись. – Как ты будешь тут без меня? Как справишься?

– Ничего страшного, – ответила мама, разглаживая подол передника и не отрывая от него взгляда. – Я уже несколько месяцев делаю запасы ягод.

Позже Алиса раздумывала, поняла ли мама, как сильно ранила ее в тот вечер. Она ответила на вопрос, который Алиса не задавала. Она думала, мама скажет, что будет по ней скучать, что ей будет горько расставаться с дочерью. Она вообще не спрашивала про ягоды.

Только тогда Алиса поняла, как мало на самом деле нужна маме.

Она не имела никакого отношения к этому маленькому дому, где у нее даже не было собственной комнаты, а все ее

пожитки пылились в подполе. Теперь Алиса отчетливо видела: мама не станет по ней скучать, пока у нее не кончатся запасы целебных ягод. Эта мысль наполнила ее страшным одиночеством. Отец бросил ее три года назад, а мама – в каком-то смысле – сейчас. Теперь Алиса осталась сама по себе, наедине с твердым знанием: что бы ни случилось дальше, она никогда не простит себе отказа от Сдачи. И до последнего дня жизни будет жалеть, что упустила единственный шанс переломить свою судьбу.

Значит, решено. Завтра она будет танцевать.

(А Оливер Ньюбэнкс может поцеловаться с дикобразом. Алиса прекрасно отыщет отца сама.)

Я и не думала, что в этой книге столько глав!

Утро пришло на цыпочках – бесшумно проросло из горизонта серыми и золотыми побегам. Небо было раскрашено с величайшей любовью и тщанием, и Алиса выскользнула из дома, чтобы полюбоваться, как оно расцветет.

Теперь она сидела на вершине самого высокого холма, с которого был виден весь Ференвуд. Дремлющие дома сонно шмыгали трубами, выдувая мягкие облачка дыма; задерну-

тые занавесками окна поблескивали в лучах солнца. Небо с землей обменялись первыми за день дарами: зеленые лезвия трав алмазно сверкали росой и потягивались, еще не до конца проснувшись, к рассветной выси. Пока бесцельно прогуливались по лугу пчелы, где-то пекся хлеб, птичьи трели обвивали стволы деревьев. Мир пах теплым фиалковым чаем, свежеумытым лицом и чем-то сладким. Алиса улыбнулась и подставила руки ветру.

Воздух был прохладным, но в тех местах, где его коснулось солнце, уже плыло весеннее тепло, и Алиса попыталась схватить эти островки невидимого золота. Стоило девочке шевельнуться, как ее юбки вспыхнули отраженным светом. В животе заурчало, и Алиса, недолго думая, сорвала один одуванчик и сунула в рот.

Вот она и дождалась.

Сегодня ей предстоит состязаться со всеми двенадцатилетними ребятами в городе. Восемьдесят шесть подростков выстроятся перед Старейшинами, принося в дар Ференвуду свои таланты. Взамен они надеялись удостоиться задания, которое изменит их жизни и ход истории.

По правде говоря, получить его уже считалось большой удачей. В городе не принято было говорить о детях, которые оказались столь бесталанны, что Старейшины не рискнули поручить им никакого задания вообще. Ференвудцы предпочитали обсуждать лишь славные подвиги – и детей, которым предстояло их совершить. День Сдачи становился величай-

шим празднеством магии, и Алиса, которая отчаянно не хотела быть *никакой*, возлагала на него все мыслимые и немыслимые надежды.

Этот день возместит ей все, чего она была лишена долгие годы.

Девочка встала и бережно разгладила юбки. Каждый стежок наполнял ее законной гордостью. На самом деле, она впервые в жизни радовалась одежде.

Пусть даже ее никто и не видел.

Алиса покинула дом, когда мать и тройняшки еще спали. Ни приветствий, ни прощаний – лишь быстрый шаг через порог, отделивший Алису от ее прежней жизни. Это тихое утро могло оказаться последним, выпавшим на ее долю в Ференвуде, и Алиса хотела, чтобы оно принадлежало только ей.

«С днем рождения меня», – подумала девочка. Теперь ей было ровно двенадцать лет.

Алиса запетляла по тропинкам, ведущим к городской площади: юбки зажаты в руках, браслеты на запястьях и лодыжках выводят собственную счастливую песенку. Эта дорога была у нее одной из любимых.

По обочинам, словно стражи, вставали зеленые побеги.

Сельдеревья, яблониковые кусты и заросли лайма ростом с нее саму дружно раскачивались в знакомом девочке ритме. Ноги пружинили в теплой мягкой пыли. Наконец сердце Алисы пропустило понятный только ей удар, и она остановилась как вкопанная, зарывшись пальцами ног в придорож-

ную грязь и запрокинув голову к небу. Отсюда открывался прекрасный вид на площадь – вид, от которого у нее всегда перехватывало дыхание.

В Ференвуде было много высоких деревьев, но не так уж много высоких мест – и главная площадь считалась среди них высочайшим. Хотя вокруг теснилась масса деревьев (чернильных, ночных, падательных и взбирательных, ягодных, ореховых, цветочных и одичалых), чрезвычайно разнообразных по цвету (каштановых, малиновых, даже темно-синих) и виду (одни вместо коры обросли розовой галькой, другие по ночам сбрасывали апельсины), главная площадь все равно превосходила их высотой и великолепием.

Городские здания были понятным образом зачарованы – и к жизни их вызвали именно кисти художников. Переливы и завихрения цвета, вроде бы несочетаемые, мирно соседствовали по воле всемогущих мастеров. Краски плавили стены и обрушивались на двери. Оранжевый и фиолетовый многократно обвили купол-луковицу, уютно сидящую на величественном золотом здании – это была здравница. Желтый и зеленый, чередуясь с сапфировым и серебряным, издалека привлекали внимание к школе. Полосы пламенно-синего, оттененные нежнейшим бело-розовым, расцвечивали крышу здания суда, которая по форме напоминала рожок с мороженым.

В лучах рассветного солнца Ференвуд выглядел особенно восхитительно.

Алиса закрыла глаза и глубоко вздохнула. Отец научил ее любить этот город, и она искренне хотела, чтобы его жители ею гордились.

Небо радовало взгляд пронзительной синевой и рассеянными облаками – тоже в предвкушении большого дня. Алиса знала, что стоит церемонии окончиться, как тучи снова сойдутся, чтобы пролить на Ференвуд свою благодатную влагу. Дождь означал обновление, и жители города приветствовали его всей душой – тоже сделанной из воды.

Когда их мир только был сотворен, он оказался так хорош – разнообразен и красочен, – что небо плакало целую сотню лет. Слезы великого счастья и невыразимой скорби наводнили землю, размыли ее на материки и образовали реки и озера, моря и океаны, существующие до сих пор. Это были слезы радости, но и печали тоже – печали, что никто никогда не сможет по достоинству оценить такую красоту. Тогда, как гласит легенда, из слез неба родились люди, впоследствии ставшие жителями Ференвуда.

Сдача была их благодарностью.

Достигнув двенадцати лет, они *сдавали* миру себя и свой талант – и получали взамен задание, цель, которая всегда заключалась в помощи нуждающимся. Возвращая небу этот древний долг, они выросли.

Так начиналась их настоящая жизнь.

Я не хотела упоминать об этом раньше, но Оливер Ньюбэнкс стоял по левую руку от Алисы целых четырнадцать минут, прежде чем решился выйти из тени и дернуть ее за косу. Долг рассказчика обязывает меня сообщить также тот факт, что в ответ она его ущипнула – причем довольно болезненно.

Оливер завопил и пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Затем он торопливо закатал полу рубашки, чтобы проверить тяжесть ранения, и произнес несколько слов, которые вполне приличествовали ситуации, но включить их в эту книгу я все-таки не рискну. Алиса тут же демонстративно отвернулась, не желая ни разглядывать его голый торс, ни слушать беспочвенные обвинения в жестокости.

– Может, заткнешься уже? – спокойно попросила она наконец. – Такой момент испортил.

И она кивнула на солнце, медленно ползущее к зениту.

– Алиса, – нетерпеливо начал Оливер, – ты должна дать мне ответ. Ты обещала, что примешь решение утром накануне Сдачи, а она почти настала.

Алиса устремила взгляд за горизонт, по-прежнему избегая смотреть мальчику в глаза. Она и сама не знала, почему, но на крохотную долю секунды ей стало жаль его разочаровывать. Алиса подавила это чувство.

– Боюсь, я не смогу тебе помочь, – сказала она тихо. –

Этот день для меня слишком важен. Я знаю, что папа понял бы мое решение.

Оливер казался искренне удивленным. Да что там – его глаза расширились, брови сложились домиком, а рот раскрылся в немом возгласе изумления, которому не требовались слова.

– Ты не серьезно, – прошептал он. – Алиса, пожалуйста... Ты же не серьезно?

– Боюсь, более чем серьезно.

– Но твой отец...

– Не волнуйся, я отыщу его сама.

– Но я *уже* знаю, где он! – Оливер почти сорвался на крик. – Если бы я захотел, то пошел бы к нему прямо сейчас!

Алиса вперила в него сумрачный взгляд.

– Так что же не идешь?

Оливер с трудом сглотнул.

– Ты гнилой человек, – сказала Алиса, – раз дразнишь меня отцом, как чуденцом на палочке. Ты даже не можешь вернуть его семье, не требуя ничего взамен.

– Эй, я...

– Не будет у нас с тобой никаких дел, – перебила она мальчика. – Будь у тебя хоть половина сердца, ты бы уже сказал мне, где папа. Что же, у меня есть вся жизнь на поиски.

– Да ты шутишь, – пробормотал он.

– Хорошего дня, Оливер Ньюбэнкс. И удачи тебе с твоим заданием.

С этими словами Алиса развернулась и бегом припустила к главной площади.

Оливер следовал за ней по пятам.

* * *

Желудок Алисы распирали охапка палок. Стоило девочке нервно переступить с ноги на ногу, как одна из них с хрустом переламывалась пополам. Утро выдалось свежим и золотистым, но по спине Алисы то и дело пробегал холодок. Она стояла в длинном ряду ровесников, стараясь тем не менее держаться сама по себе. Некоторые соперники были одеты в нарядные костюмы, другие – в повседневную одежду. Одни ошутимо волновались, другие выглядели надменными. Понять, что все это значит, не представлялось никакой возможности.

Всех участников пересчитали и каждому присвоили номер. Теперь им оставалось только ждать, и это оказалось самым мучительным испытанием. Алиса вдруг поняла, что ей нужно в дамскую комнату, но робкая просьба девочки тут же потонула в общем гвалте.

Жители Ференвуда щеголяли в лучших своих нарядах: платьях из паучьего шелка и тополиных шляпках. Цвета сверкали, звуки гроыхали, а воздух сотрясали неожиданные свисты и возгласы. Зрители начали занимать места, взволнованные разлитым в воздухе запахом весны.

Сцена каждый год поражала воображение, но в этот раз декораторы превзошли сами себя. Сегодня она походила на застывшую волну, словно бы вырезанную прямиком из океана. Сливово-синие волны спускались к ногам конкурсантов, почти облизывая мыски их ботинок. С другой стороны сцена переходила в зеленую лужайку с рядами столов и стульев, смастеренных из рук и ног упавших деревьев. Спинку каждого стула обвивали виноградные лозы. Столы были уставлены золотыми корзинами со стекляблоками, медовыми трубочками и леденцами-шипучками в шоколаде, а также кувшинами с огненным сидром и засахаренным льдом. Оркестр проверял инструменты; в отдалении одобрительно громыхало небо; в воздухе, подвешенные в сотнях хрустальных сфер, головокруглительно благоухали цветы. Даже солнце, преисполнившись значимости момента, вне графика подкрасило облака нежно-розовым, медовым и мандариновым.

От этого зрелища захватывало дух.

И нос.

Кто бы ни трудился над оформлением праздника, он немного переборщил с сахаром в воздухе, и Алиса поняла, что сейчас совсем некуртуазно чихнет. В итоге она подавила этот порыв, замаскировав его под кашель, но попутно задела локтем стоявшую слева девочку. Та наградила ее удивленным взглядом, и Алиса изобразила дрожащую улыбку, стиснув руки и нервно раскачиваясь на носках взад-вперед. Девочка тоже улыбнулась – и, кажется, немедленно об этом по-

жалела. Алиса усталилась себе под ноги.

Из восьмидесяти шести конкурсантов она выступала четвертой. И не стала бы врать, что не чувствует себя так, будто все содержимое ее желудка перемешали и хорошенько встряхнули.

Внезапно Алиса заметила мать и тройняшек – они пробирались на свои места – и ощутила невольное тепло. Конечно, она надеялась, что семья придет ее поддержать, но всерьез на это не рассчитывала. За последние годы она убедилась: в отношении мамы можно быть уверенной только в том, что в отношении мамы ни в чем нельзя быть уверенной. И все же, несмотря на их странные и частенько неприятные взаимоотношения, Алиса хотела, чтобы семья ею гордилась.

Надеялась, что сегодня семья будет ею гордиться.

Впрочем, едва утихшая обида Алисы на маму тут же всколыхнулась снова – стоило той занять место возле Ньюбэнксов. Оливер пристально следил за Алисой (она холодно вернула ему взгляд), пока мама смеялась, пожимала руки и делилась фруктами с семьей мальчика, который был так жесток к ее дочери. Похоже, у нее даже не промелькнуло мысли о чувствах Алисы.

Девочка не хотела думать об этом перед Сдачей, но неизбежная правда усталилась ей в лицо, и ее больше нельзя было отрицать: мама никогда не была на ее стороне.

Алиса опустила голову и сделала глубокий вдох, борясь с желанием сделать... не важно что. Однажды, пообещала она

себе, она вернется домой за руку с отцом – и тогда матери придется ее признать.

В эту секунду триумфально запели трубы, и небо ответило земле особенно богатым разливом красок.

Это был официальный сигнал к началу. Началу ее новой жизни.

* * *

На сцену вышел мистер Лоттингейл.

По толпе прокатился шепот. Восемьдесят шесть конкурсантов вдруг охватило такое волнение, что Алиса почти могла расслышать стук их сердец, бьющихся в унисон.

Мистер Лоттингейл был одним из городских Старейшин и собирался выступить с речью. Разумеется, без речи на таком торжественном мероприятии было никак не обойтись, но Алиса при всем желании не могла воспринимать мистера Лоттингейла серьезно. Обликом он напоминал гигантскую фисташку: круглый и бежевый, с будто бы надтреснутой головой и каштаново-зелеными волосами, которые трепал ветер. Алиса знала, что нечестно судить о человеке по внешнему виду – тем более что человеком мистер Лоттингейл был как раз хорошим, – но все равно не могла выкинуть из памяти случайно подсмотренный эпизод, когда он слизнул с нижней губы гусеницу.

– Друзья Ференвуда, – пророкотал Старейшина, и его гу-

сеничный голос тягуче заструился из гусеничных губ. – Поздравляю всех вас с первым днем весны!

Толпа ответила ликующими возгласами, хлопками и поднятыми бокалами с сидром.

– Сегодня мы собрались по очень важному поводу... – продолжил мистер Лоттингейл.

И так далее, и тому подобное.

Следующие десять минут он обстоятельно напоминал ференвудцам, по какому именно поводу они собрались (и, будь моя воля, я бы сократила эту речь минут на девять), но говорил так вдохновенно и искренне, что толпа заерзала в радостном предвкушении, а у Алисы по спине снова забегали мурашки. (Надеюсь, вы не обидитесь, если я пропущу этот шедевр риторики и сразу перейду к делу.)

Итак, сегодня к Сдаче допущены восемьдесят шесть конкурсантов.

Все они *сдадут* городу свои дары и лишь после этого смогут разделить трапезу с родными, пока Старейшины удалятся на совещание. Как только они примут решение, на тарелке каждого участника появится конверт, содержащий оценку и задание.

Лишь одно из них будет оглашено всему Ференвуду; лишь один подросток удостоится титула Чемпиона.

Самый талантливый.

Не успела Алиса обдумать услышанное, как на сцену поднялась Валентина Милли. Она выступала первой, и Алиса не

могла не восхищаться ее мужеством. Валентина стояла посреди площади с удивительным достоинством, глядя на которое никто бы и не подумал, что еще пять минут назад она рыдала в кустах.

Затем она запела.

У нее был голос хрустальной лилии, за которым хотелось следовать на край земли. Валентина пела песню, которую Алиса никогда раньше не слышала, – и слова ее обволакивали слушателей пуховым коконом, заставляли дрожать вековые деревья и погружали птиц в замороженное молчание. Она была так хороша, что в конце Алиса принялась смаргивать слезы, чувствуя, как из глубин ее души поднимается навстречу Валентине какая-то неведомая, странная и пугающая нота.

Когда девочка закончила выступление, Алису переполняла зависть. И все же она, как и остальные соперники, не смогла удержаться от оваций.

Следующим на сцену поднялся Хайдер Занотти – мальчик с самыми синими волосами на свете. Они были исполнены такой электрической, ослепительной голубизны и отличались такой поразительной густотой и мягкостью, что Алиса с трудом подавила желание провести по ним кончиками пальцев.

Хайдер вышел в центр площади, раскланялся и... подпрыгнул. Высоко. Прямо в небо. Не успели зрители ахнуть, как он ухватился за невидимую глазу лестницу и принялся

карабкаться к солнцу – пока не поднялся выше самых высоких деревьев и не превратился в крохотную точку на фоне облаков.

Зрители дружно охнули. Приложив ладонь ко лбу, они пытались рассмотреть, куда же подевался Хайдер.

А потом он спрыгнул.

Почти неразличимая снизу точка начала стремительно превращаться в падающего мальчика. Несколько зрителей закричали, но у Хайдера все было просчитано. Когда до земли оставалась всего пара метров, он снова ухватился за что-то в воздухе – и на несколько секунд завис над сценой, прежде чем триумфально приземлиться на одно колено.

Когда он поднялся, встал и весь Ференвуд. Хайдеру так долго свистели, кричали и аплодировали, что мистеру Лоттингейлу пришлось успокаивать толпу.

Наконец мальчик вернулся в ряд, явно довольный выступлением. Алиса знала, что должна за него радоваться, но никак не могла проглотить противный комок в горле. Так и не справившись с собой, она закусила губу и отвела глаза.

Следующей вызвали Олимпию Чу.

Олимпия была крупной девочкой – высокой и пухлой, а из-за туго стянутых на затылке волос казалась гораздо старше своих двенадцати лет. Она прошествовала на сцену без капли волнения или неуверенности в себе, а когда обвела аудиторию тяжелым немигающим взглядом, немногие решились взглянуть на нее в ответ.

Олимпия хлопнула в ладоши.

И все сломалось.

Стол, вазы, кувшины, тарелки и даже штаны одного бедолаги. Ножки стульев подломились, и на землю полетели груды щепы – вместе с растерянными ференвудцами. Однако не успели они разразиться возмущенными возгласами, как Олимпия сунула два пальца в рот и лихо свистнула. В ту же секунду все пришло в порядок: стулья вскочили на крепкие ножки, осколки срослись обратно в вазы, а порванные штаны зашились сами собой, словно ничего и не было.

Алиса опустила взгляд на свои юбки: широкая дыра, разверзшаяся было на подоле, пропала бесследно. Так же исчезло пыльное пятно на коленке. Даже ее коса, растрепавшаяся от утренних волнений, теперь была тугой и гладкой, и из нее не выбивалось ни одного волоска.

Алиса не могла оправиться от изумления.

Олимпия уже собиралась хлопнуть снова, когда зрители закричали «НЕТ!» и заранее попадали на землю. Мистер Лоттингейл поспешил увести ее со сцены.

Это значило, что Алиса следующая.

Святые прянички, да она едва могла двигаться от ужаса.

* * *

Перед ней выступили всего трое ребят, а Алиса уже поняла, что совершила чудовищную ошибку. Никто не гото-

вил ее к сегодняшнему дню – ни мать, которая не испытывала к дочери ни малейшего интереса, ни учителя, которых у нее больше не было. Алиса думала, что перед исчезновением отец открыл ей ее талант, поселив в дочери страстную, неутолимую жажду танцевать. Алиса думала, что в этом и заключается ее дар Ференвуду. Дар, который она должна *сдать*.

Теперь же она видела, что Сдача была торжеством настоящих талантов, а она... Что ж, она вовсе не была талантлива. Она не умела петь, пробуждая душу, не умела карабкаться по воздуху, не умела исправлять неправильное. Она могла предложить только танец – и уже понимала, что этого будет недостаточно.

Алисе захотелось расплакаться, но она не позволила себе такой роскоши.

Мистер Лоттингейл выкрикнул ее имя. Отступить было некуда. Поздно просить прощения у Оливера, поздно кричать, что она сделала неверный выбор и лучше отправится на поиски отца, чем переживет хоть минуту этого позора.

Алису затопило чувство вины.

Девочка стояла посреди сцены, перед живым морем примерно из десяти тысяч лиц – и просто не могла встретиться глазами с матерью.

Поэтому она их закрыла.

Музыка нашла ее сама – как и всегда, – и Алиса послушно отдалась ей. Последовала за ритмом, который уже звучал

на ксилофоне ее костей, и принялась двигаться, как делала сотни раз за последние годы.

Алиса танцевала, как дышала: инстинктивно.

Танец был ее врожденным рефлексом и главным способом выживания. Руки и ноги сами знали движения; знали, как им подниматься, выгибаться, покачиваться и нырять. Алиса кружилась и извивалась, следуя за узором слышной только ей мелодии. Постепенно ее движения становились более быстрыми и мощными, грациозными и величественными. Босые ступни ударяли почву и порождали глухой подземный гул, который вибрирующим током проходил сквозь тело девочки. Алиса запрокинула голову к небу, подставив лицо солнцу, и браслеты на вскинутых руках осыпали ее смеющимся звоном. Все быстрее и быстрее, расставив локти, раскрыв ладони, колени мелькают в неистовой пляске...

Алиса танцевала так, как никогда прежде, – резко и плавно, быстро и медленно, выплетая всем телом диковинный узор и лаская воздух кончиками подрагивающих пальцев. Юбки ее превратились в сочный вихрь цвета, тело, поднявшись на недостижимую высоту, перестало принадлежать заключенной в нем душе, – и наконец остановилось, когда отзвучала последняя неслышимая нота.

Алиса упала на сцену – с опущенной головой и сложенными на коленях ладонями. Юбки распластались вокруг пестрыми лепестками.

Алиса была сломленным цветком – и надеялась, что это

красиво.

После секунды оглушительной тишины девочка все-таки рискнула поднять взгляд.

Зрители смотрели на нее, лишь из вежливости изображая легкий интерес и по-прежнему ожидая финала. Ожидая ее дара.

Алиса поднялась на ноги и вдруг почувствовала, как горячо щиплет щеки солнце.

– Ты уже закончила, дорогая? – нарушил тишину мистер Лоттингейл.

Девочка кивнула.

– О, – произнес он, и вялая челюсть тут же сложилась в улыбку. – Ну конечно. Пожалуйста, вернитесь в ряд, мисс Квинсмедоу.

По залу прокатились короткие, неуверенные хлопки. Зрители переглядывались в поисках подсказки, как им реагировать. Алиса с трудом сглотнула и вернулась на свое место, глядя строго в землю перед собой.

После нее выступали еще восемьдесят два участника, но Алиса не запомнила ни одного. Ференвуд еле успевал ахать, поражаясь новым талантам, – а ее талант, как выяснилось, заключался в том, чтобы не расплакаться у всех на глазах.

* * *

Алиса не смогла заставить себя сесть рядом с матерью.

После церемонии она отыскала самую уединенную ветку самого высокого дерева и попыталась там успокоиться. Девочка быстро-быстро дышала, чтобы не расплакаться, и мысленно убеждала себя, что ее поведение просто смехотворно. Ну конечно, она слишком строга к себе. В окружении таких сверстников любой растерялся бы. Она не была как следует подготовлена к Сдаче, и таланты других ребят застали ее врасплох. Наверняка сейчас у них точно так же трясутся колени. К тому же она не следила за другими конкурсантами; должно быть, кто-нибудь выступил еще хуже.

Так продолжалось некоторое время.

Алиса подтянула колени к груди и крепко их обхватила. Не будет она плакать, решила девочка. Еще чего! Допустим (скорее всего) (ладно, без сомнения), она не получит лучшее задание. Ничего страшного! Возможно, если бы она не возлагала на этот день такие большие надежды, разочарование тоже не оказалось бы столь глубоким. Но теперь она усвоила урок – и обрадуется любому заданию. Может, это и не будет самое захватывающее приключение – может, ей даже не придется покидать Ференвуд, – но это будет настоящее задание, начало чего-то нового. У нее появится цель в жизни.

Все будет хорошо.

Более-менее успокоившись, Алиса слезла с дерева и прислонилась к стволу, раз за разом повторяя себе, что ничего страшного не случилось. Она сделала все, на что была способна, и не могла бы требовать от себя большего.

Наконец вернулись Старейшины. Все они улыбались (добрый знак!), и Алиса немного приободрилась. Девочка даже опустила плечи и рискнула выглянуть из-за дерева.

Мистер Лоттингейл выступал первым из десяти Старейшин, но каждый из них нашел для ребят вдохновляющие и воодушевляющие слова. Они говорили так искренне, что Алиса устыдилась своих недавних переживаний. Старейшины оглядывали толпу с величайшей гордостью; очевидно, она *сдала* лучше, чем предполагала.

Алиса сделала несколько шагов вперед, больше не прячась от взглядов. Она даже задумалась, не присесть ли ей за мамин стол, как вдруг снова загудели трубы. Небо вспыхнуло, и на тарелках перед ребятами возникли плотные, мерцающие темно-фиолетовые конверты. Разлитое в воздухе волнение можно было пощупать. Все знали, что в каждом конверте лежит карточка определенного цвета. Всего оценок было пять, и Алиса помнила их значения наизусть.

Оценка 5 || Зеленый = Изумительно

Оценка 4 || Синий = Прекрасно

Оценка 3 || Красный = Хорошо

Оценка 2 || Желтый = Приемлемо

Оценка 1 || Белый = Увы, неудачно

Ребята принялись вскрывать конверты – одни с совершенным спокойствием, другие с заметной тревогой. Алиса вы-

тянула шею, пытаюсь понять, появилось ли на мамином столе что-нибудь и для нее.

Появилось.

Сердце Алисы пустилось вскачь.

С такого расстояния она не могла разобрать выражение маминого лица, но видела, как та берет конверт, словно не уверенная, что с ним дальше делать. И хотя мама оглядела площадь лишь единожды, ее, похоже, совсем не взволновало, что Алиса не собирается забирать свою карточку. Она часто повторяла, что у нее нет времени тревожиться из-за поступков дочери, и Алиса снова подумала, что не тревожиться – это просто очень ленивый способ любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.